

18+

Игнатий Смолянин

Камбенет

Игнатий Смолянин

Камбенет

«Издательские решения»

Смолянин И.

Камбенет / И. Смолянин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511497-6

Псевдоисторическая фантазия XV века — продолжение романа «Странствия Мелидена». Беглец с востока пытается прижиться в позднесредневековом городе, чей герцог в союзе с цеховыми низами борется с купеческой олигархией на фоне растущих ересей и церковной реформации. Постепенно его дела идут на лад.

ISBN 978-5-00-511497-6

© Смолянин И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Весенние планы	6
Глава 2. Застольные беседы	12
Глава 3. Драма «Тарлагианки»	18
Глава 4. Обсуждение спектакля	24
Глава 5. Злоключения Горниха	28
Глава 6. Озёрный город	33
Глава 7. Барон-философ Моривено	37
Глава 8. Шарим-холм	43
Глава 9. Белотенья в Шарим-холме и отъезд обратно	48
Глава 10. Старый Город и первая встреча с бароном Химелиншем	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Камбенет

Игнатий Смолянин

© Игнатий Смолянин, 2020

ISBN 978-5-0051-1497-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Весенние планы

Мелиден заканчивал упражняться в Зале Собраний – солнце перестало освещать его прямыми лучами – когда заметил, что из-за дальней колонны за ним наблюдает не кто иной, как собственная невенчанная жена. Уже некоторое время его тревожил странный аромат, приятный и аппетитный, неведомо откуда взявшийся в казённом импровизированном ристалище. Вместе с ним занимались его знакомец Экарт Лигер, еще один рыцарь близких лет – Ланигалис, и пятеро оруженосцев. Главный маршал Нергайс Каллеве всё-таки заставил его обучать молодёжь в свободное от прочих обязанностей время. Сказав Лигеру, чтобы продолжали без него, он подошёл к Диан:

– А ты как тут появилась? Разве сюда пускают посторонних, тем более женщин?

– Как раз женщин пускают, если они жёны телохранителей и гонцов его светлости господина герцога. Лучше посмотри, что я тебе принесла.

– Я здесь птица небольшая, не цапля, а простой кулик. Меня не допускают хранить тело самого герцога. А главное, не пристало тебе одной разгуливать среди солдатни, даже если олухи у ворот готовы пропускать кого попало.

– Не ворчи, как старый дед. Тебя здесь знают лучше, чем ты думаешь. «Это тот, кто таскается за одноглазым Нергайсом как приклеенный, с громадной зубочисткой за плечом? Беглый головорез-заблуждающийся?» – передразнила она басовитый деревенский говор привратных стражей и их глупые рожи. – У тебя совсем нюх отбило? Я такое печенье испекла, какого еще не было во всей Орине.

Мелиден с неудовольствием заметил, что его подопечные тоже опустили деревянные мечи и столпились вокруг, жадно прислушиваясь и принохиваясь. Но делать нечего, не позорить же себя скандалом на людях. И его привязанность к Диан зашла так далеко, что позволяла извинить почти всё. Он давно и безвозвратно прошёл все четыре ступени влюблённости – надежду, созерцание, объятие, слияние. И пахло из корзины в руках у Диан действительно изумительно.

– Ну и зачем это? – упрекнул он Диан с видом многострадального страстотерпца. – Неужели нельзя было подождать до вечера? Обязательно показать себя в неподобающем месте?

– У тебя скоро обед в Среднем Зале, угости товарищей по столу. Не вечно же их объедать, следует отдариваться в ответ. Можешь и послать подарок к столу маршалов, они не откажутся. Все, кто пробовал, хвалили.

– Ты плохо знаешь трёх тощих хмырей, если думаешь, что их можно расположить к себе таким образом. Каким дураком я буду выглядеть, если начну изображать мелкого подхалима. Это с моей-то репутацией. Воистину, волос долог, ум короток.

– Так говорят среди диких схизматиков? Господи помилуй, у нас другие обычаи. Никто на тебя не посмотрит косо, наоборот, станут косо смотреть, если не начнёшь вносить свою долю за столом. Пусть гонцы больше зарабатывают частными поручениями, но и ты не такой голодранец, чтобы вести себя как вечный нахлебник. Между прочим, мог бы тоже начать брать частные заказы, раз разъезжаешь по городам.

– Ты бы постеснялась обсуждать это при посторонних. Не испытывай моё терпение, я не святой Фирин в чреве кита побывавший. И что ты принесла там такое?

– Смотри, плюшки из лучшей тонкомолотой и просеянной пятиграфской муки, испечены в коровьем масле с добавкой мёда. Но главное – корица из самого Бенимаринэ, её привезли первые в этом году купцы из Венни. Именно она даёт такой аромат и вкус, достойный божьих ангелов...

– Ангелы людской пищей не питаются, поэтому не гадят – это тебе любой поп объяснит, – саркастически прервал её Мелиден. – Пресвятая дева, страшно представить, сколько должны

стоять твои кухонные чудеса. Ты бы лучше откладывала на чёрный день, а не проматывала сразу всё, что я получаю. Сегодня я жив, завтра мёртв, и что ты будешь делать тогда?

– Вот об этом мы будем говорить у себя, – сразу посерьёзнела Диан. – С обозом купцов из Венни приехал балаган Братства Страстей по приглашению нашей Палаты риторики «Пион». Они ставят у нас «чудо» «Тарлагианки». Между прочим, «Пион» возглавляет твой знакомец Сведен-старший, он и оплатил их приезд. Епископ Брабон запретил им выступать в городе после первого же их представления, но Сведены договорились с нашим отцом Норусом дать представление на паперти святой Йонет. Если успеют привезти и сколотить подмости, его дадут уже через два дня в воскресенье на апостола Страмаура. Приходи обязательно. И твои товарищи пусть приходят, не пожалеют, если не совсем тупые. Я смотрела их первое представление у церкви святой Биры, мне очень понравилось, а теперь мы сами будем участвовать вместе с Братством из Венни. И госпожа Умгорх Сведен, супруга Мейдена, тоже была взволнована до слёз, а уж Сведенов пронять непросто. Мы с ней вместе переговорили с отцом Норусом и церковным старостой Арендом Чёрным...

– Подожди, какой еще «Пион», что за «чудо» такое, ты о чём вообще? У меня в голове всё мешается. Ты еще и с женой старшего Сведена знакома, когда это ты успела? Кто они и кто ты? Я думал, они с тобой и разговаривать не стали бы.

– Ты зря так говоришь, госпожа Умгорх Сведен очень скромная и благочестивая дама. Совсем не то, что её старшая дочка Эйлин, недавно ставшая младшей фрейлиной герцогини, сопливая задавака. А старшая госпожа Сведен простая и милосердная женщина, каких у нас мало. Мы с ней прекрасноладили. Не забывай, что теперь я не беззащитная солдатская вдова, а жена одного из лучших бойцов Камбенета. Разве не так? – добавила Диан с лукавой улыбкой, от которой у Мелидена таяло сердце и исчезали все мысли поучить уму-разуму обнаглевшую бабёнку. Тем более, что Диан была очень хороша в своем тёмно-сиреновом обтягивающем платье и слегка выступающий животик также взывал к совестливой осторожности. Чёрт с ним, с домостроем. Опять ему повезло с подругой, уже в третий раз. Наверное, в возмещение за тяжкую юность. Лишь бы на этот раз удача длилась подольше. Неужели напрасно говорят, что бог любит троицу.

Разъяснить свои новости Диан обещала дома, а пока раздала присутствующим по одному печенью, строго наказав беречь оставшиеся к общему обеду, после чего удалилась. Мелиден и не собирался скармливать оглодам дорогостоящие лакомства. В приготовлении разных вкусов Диан действительно показывала выдающиеся успехи, особенно в своём коньке – выпечке. И откуда она только узнала столь необычный для непритязательного Камбенета рецепт, тут же ничего не готовят, кроме мерзкой овсянки и жареного-пареного мяса. Такое недурно смотрелось бы и на герцогском столе. Впрочем, герцог обойдётся тоже. Диан права, Мелиден сам начал ощущать некоторое неудобство, что сотрапезники приносят из дома разные добавки к неприглядному казённому столу и считают своим долгом угостить и его, а он при них вроде сироты-приживала. Некрасиво и не по достоинству.

Продолжать заниматься никто не желал, все начали снимать обременительную сбрую, оживлённо обсуждая явление прекрасной Диан. Морально ослабевший Мелиден не возражал.

– Оказывается вы, дорогой господин Варсин, подтапочник. Кто бы мог подумать, – с лёгким ехидством заметил светловолосый красавец Экарт Лигер, чьё несколько женственное лицо заставляло его с особым усердием заниматься рыцарскими искусствами, дабы не возникало сомнений в мужественности. – Но ваша Диан воистину сокровище. Среди придворных дам найдётся немного таких, кто превосходил бы её в красоте, уме и обаянии. При этом ваша привязанность нисколько не задирает нос, а в умении готовить с ней точно никто не сравнится. Неужели вы и в женщинах понимаете толк? По вашему поведению совсем не скажешь. Хотя понятно: служба – одно, дом – другое.

– Да, вам можно позавидовать, – подхватил Ланигалис, – всего несколько месяцев в Камбенете, а откопали в Предместье такое совершенство. Клянусь душой, если бы не её живот и ваша репутация, я бы постарался её перекупить.

Ответил им Мелиден стихами, каковых уже знал великое множество:

Пусть завистникам досадно.
Мне до них какое дело.
Зависть – будь она неладна! —
Злопыхателей заела.
Жизнь такая безотраднa.

А моя душа и тело
Радостей взыскуют смело.
Нет счастливее удела,
Чем предаться им всецело.

– У вас было целых три года, чтобы взять её на содержание, – отрезал он в заключение, – когда она жила одинокой и нищей вдовой с ребёнком. Однако в то время никто не захотел позаботиться о ней. Только ждали, как вороны, когда она окончательно ослабеет и станет блудницей, чтобы попользоваться недорого. А вот я не стал высчитывать свою мелкую выгоду, когда поселился у её отца, поэтому владею ею по праву и, кажется, пользуюсь взаимностью. Хочешь, чтобы тебя любили, люби сам. Так что облизывайтесь на расстоянии. И к корзине нечего принюхиваться, не про вашу честь. Попробовали, и хватит.

– Вашей Диан надо было открыть пекарню, а не прясть шерсть, прячась от ухажёров. Помилуйте, от покупателей отбоя бы не было. У неё большие способности к этому делу. Удивительно, как она не растолстела, стряпухи обычно все толстые.

– Кто бы ей позволил, – ответил Мелиден. – Для этого надо состоять в цехе булочников, заплатить большой вступительный взнос, помимо средств на обзаведение.

– В Предместье с этим должно быть проще, – возразил Ланигалис, – могла бы сначала снабжать соседей.

– Что теперь говорить об этом, – снова прервал его Мелиден. – Может быть, когда-нибудь обзаведёмся булочной, если найдём деньги. А что за «чудеса» такие, о которых она толковала, и при чём тут «пион»? Вроде бы это большой цветок из тех, какие любят выращивать здешние хозяйки на участках за городом. У нас тоже есть пара кустов.

– «Чудом» называется короткое представление на подмостках перед папертью, – ответил один из оруженосцев пограмотнее других, – о необычайных деяниях святых Маэля или Искадины в помощь страждущим. Но то представление, о котором говорила ваша жена, скорее относится к «таинствам» о страстях тарлагиновых. Однако Братство Страстей из Венни исполняет его на сцене, как у нас принято исполнять только «чудеса» и «морали», а не в движущейся процессии по городу, как у нас обычно показывают «таинства».

– Крестная сила, видел я ваше «таинство» на Аусвес, как таскают телегу с картинами по улицам и на перекрёстках перед ней кривляются ряженные, пытаясь изобразить страсти господни. По-моему, грубое и неискusstvenное зрелище для дурней. Только позорят божье имя.

– Это представляли цеха тележников и плотников, их очередь в этом году. Откуда у них взяться мастерству не в своём деле. Братство Страстей из Венни – совсем иное. Это общество гистрионов по ремеслу. Они представляют и поют так, что заглядишься и заслушаешься. Старший Сведен видел их в Венни и пригласил к нам, в первый раз. Но у нас народ скоты, мало кто поймёт столь тонкое и изысканное искусство. Им бы при дворе выступать, не перед чернью.

Однако епископ их выгнал за городские стены, слишком еретически изображают Тарлагина, да снизойдёт на нас его благодать.

– А что за палата, как её, «Пион»? Впервые слышу о таком. Какое-то общество внутри ганзы? Раз его возглавляет старший Сведен? Какое он имеет отношение к тонкому искусству? Такие жлобы, кажется, умеют только грести под себя.

– Не только, – улыбнулся юный знаток культурной жизни Камбенета, гордый возможностью блеснуть осведомлённостью о тайной жизни местных аристократов духа, – Сведены теперь главнейший купеческий род Камбенета и с каждым годом всё дальше обходят остальных, деньги к деньгам. Вот Мейдену Сведену и кажется невместным быть как прочие лавочники. Мерзкая рожа, желает перевести количество в качество и показать, что он существо высшего порядка, не из третьего сословия, но из первого, наравне с лучшими из благородных. Поэт и антиквар из него, как из коровы дестриер, но деньги в наши времена упадка заставляют изображать почтение к себе:

Нрав свиньи мужик имеет,
Жить пристойно не умеет,
Если же разбогатеет,
То безумствовать начнёт.

Продекламировав с чувством старинный стих, юноша продолжил:

– В общем, недавно у нас создали Палату риторики по образцу обществ в приморских городах. Там их называют по именам цветов, и у нас назвали «Пионом». В нём объединились наши любители изящной словесности, чтобы было перед кем читать изысканные стихи под чарующие слух наигрыши и с кем ставить неплощадные драмы. У цехов свои пошлые и низменные потехи, а «Пион» для немногих образованных и возвышенных душой. Есть в нём придворные, как мой преисполненный достоинств дядя Савон оде Семь Гробниц и другие благородные и знатные господа, также высокие сердцем рыцари из соседних замков и держаний, знатоки поэзии и музыки, есть и клирики, сведущие в древней словесности, есть и вольные городские учителя. Есть и некоторые купцы, по правде говоря, тоже углубившиеся в древние и заморские языки и книги. Но таков наш грешный мир, преисполненный скверны, что над философами восседают двуногие свиньи вроде Сведена-старшего. Он обещал построить настоящие палаты для чтений, диспутов и представлений рядом со своим торговым двором. И городские деньги тоже привлекает под это – Городской Совет у него в кулаке.

– Какие, однако, дела творятся. Ходишь и не видишь, что происходит в двух шагах. Спасибо, что просветил простеца. Кстати, о духовном: что за вонь несёт на наше Предместье, стоит только задуть южному ветру? Понятно, что там бойни, и у нас самих кожевники и шерстобиты создают аромат, мы люди привычные, но такой вонищи прежде всё-таки не было. Прелым дерьмом пахнет, даже не мочой и падалью.

– А это наш достопочтеннейший и тарлагиннейший государь, светлейший герцог Арэнд решил открыть большое производство солёного камня, – развеселился Экарт Лигер, – и тем создать новый источник доходов для своей казны – пошлин, железа и лошадей ему мало – чтобы навоз от его табунов не пропадал зря. Вывозить его в Пятиграфье и Приморье дорого, а цены на солёный камень высоки и потребность растёт с каждым годом.

– Солёный камень, из которого делают порох?

– Он самый. А получают его в первую очередь из дерьма. Лучше из человеческого, но за недостатком сойдёт и конское с коровьим. А уж этого добра у нас выше головы, клянусь господним брюхом. Земля зерно родит плохо, сколько ни удобряй, огороды каждый норовит улучшать своим бесплатно. Солёный камень у нас получают в подвальных ямах лет тридцать, если не больше, но понемногу. Этой же весной, как только кончились морозы и оттаяла земля,

герцог заложил новые большие кучи – сажень в ширину, две с половиной сажени в длину, три четверти сажени в высоту по проверенному приморскому методу. Вывез накопившееся из конюшен, а заодно от казарм. Навоз посыпают золой, добавляют солому и прикрывают всё дёрном. Если сделано правильно, через два лета, самое позднее на третье можно вываривать солёный камень из перегноя. Делают это с поташом – золой от сухой травы, муть оседает на дно, отстой вываривают снова и из него уже получают крупницы солёного камня. Чтобы скорее созревало, приходится перемешивать и поливать мочой, причем человеческой, не конской, почему-то с ней получается быстрее и урожайнее. Солнце пригрело, всё забродило и дух пошёл хоть стой, хоть падай. Хорошо хотя бы, что ветер у нас в основном с запада из Лоцины или с севера с гор, потому бурты и вынесли на юго-восток.

– Его светлость думал даже устроить свои вонючие залежи в Заречье, причём прямо у моста, где его главные конюшни, – встрял племянник дяди-искусствоведа, единственный эрудит во всей компании, – в ином месте не получится, весной половодье заливают заречную равнину почти до самых гор. Но тогда запашок несло бы прямо на Замок, причем круглый год – из дыры над водопадом постоянно поддувает. Потому господину герцогу пришлось умерить свои экономические амбиции, – вновь выпендрился заморской учёностью юнец, – восстало даже его собственное семейство. Вот ночами и возят на телегах навоз с конюшен через весь город в юго-восточные бурты.

– Прокляни его бог, кучи дерьма у моста так же уместны, как перо в зад у свиньи, – вставил своё слово Ланигалис.

– Как тут жизнь кипит и пенится, и всё мимо меня, – недоумённо поднял брови Мелиден. – А где берёте серу? Одного солёного камня мало.

– Серу приходится возить из Заморья через Венни или даже обходными южными путями, – помрачнел Лигер, каким-то боком причастный к данному предприятию, – там она ничего не стоит, сама проступает из огненных гор, но перевозка дорога, а главное, нет никакой уверенности, что привезут, когда надо. Это большое слабое место. Но об этом лучше расспрашивай инженеров, с которыми обедаешь за одним столом, им и карты в руки. Кстати, может, всё-таки присоединишься вечером? Я тебя представлю нашим, как играть научим. Не стоит вечно сидеть дома, как привязанный, и каждый медяк тащить своей красотке:

Добра не жди, кто волка звал на ужин.
Моряк, гляди, корабль твой перегружен.
Коль говорю, так верьте мне:
Кто круглый год своей жене
Наряды дорогие шьёт, не о себе печётся:
Ему не выпал бы почёт,
Что и чужого в свой черёд
Нести крестить придётся.

– Я же говорил и повторю еще, что у меня нет папашиних имений и нечего проматывать, а в долг не играю тоже. И в честность Диан у меня неизмеримо больше веры, чем вашему сборищу надутых и злоязыких мошенников, бездельников и пьяниц.

– Мы играем на мелочь, главное – приятное общество и любезный разговор. Пусть я буду брюхат, как архиепископ, если у нас можно подняться без связей, так и будешь ходить цепным псом за маршалом, пока не поседеешь. Ты же умный и опытный, кажется, мог бы осознать, что не следует упускать шанс свести знакомство с богатыми и влиятельными.

– Мой скромный ум и опыт мне говорят, что не нужно заниматься тем, к чему нет способностей. Компаньон из меня никакой, буду торчать среди вас белой вороной, только зря расстрачу последние деньги:

Кто просьб ничьих не отклоняет,
Тот на себя пускай пеняет;
Ему придётся лгать, а как известно,
Отказывать – по крайней мере, честно;
В ответ на просьбы – мой тебе совет:
Соразмеряй своё даянье
И нажитое состоянье;
Поверь, сказать не стыдно: «Нет!»

– Спасибо за приглашение, но каждому своё. В общем, хватит болтать, пора нести барахло в оружейку и потом на обед.

– Может, дашь пару плюшек на прощанье? Действительно хороши.

– Девоч своих разводи. Пусть хоть одна фрейлина испечёт для тебя что-нибудь подобное, раз они так тебя любят. Сказано, что для стола с гонцами, следовательно, так и должно быть сделано. Из этих рук еще ничего не пропадало.

Выйдя, наконец, наружу, Мелиден постоял перед трапезной с вкусно пахнущей корзиной в руках, жадно вдыхая свежий воздух и в очередной раз наслаждаясь открывающимся зрелищем. Наверное, из Верхнего Замка видно дальше и во все стороны, но и с середины вид на юг хорош. Внизу остроконечные крыши, снующие человечки, за ними башни городской стены с фигурками часовых, их начищенные шлемы и латы, выступающие за бордовые табарды, сверкают на солнце. Слева домишки торгового предместья, вдали видны строения турнирного поля.

И далеко-далеко открывается равнина, еще бурая, но уже с прозеленью, а кое-где с остаточными пятнами снега, с тёмными прудами и речками. Рощи пока голые, но через считанные дни оденутся свежей зеленью. Игрушечные повозки на рыжих лентах дорог, мельницы машут крыльями. Никогда не надоедающая красота, в которой всегда находишь что-то новое. Восемь месяцев он в Камбенете, а чувствует себя, как дома. Хотя взгляд то и дело поворачивает на восток, к настоящей родине. Что-то там творится. Лучше не думать об этом.

Глава 2. Застольные беседы

Редкий случай – все четыре герцогских гонца были за столом. Вероятно потому, что в ближайшее время всем четырём предстояло разъехаться, созывать дружественные гильдии на большое состязание арбалетчиков, предстоящее через неполные два месяца – на Память Четырёх Основоположников. Оно должно продлиться две недели и завершиться грандиозным гулянием на Лизу, летнее солнцестояние. Как объяснили Мелидену сотрапезники, каждый день состязаются только две гильдии по жребию, обычно десять-двенадцать человек от каждой. Стало быть, предстояло пригласить две дюжины гильдий со всех концов вселенского Средиземья.

Такие состязания устраивались не каждый год, поскольку очень дорого обходились городским властям. Крупные города принимали их по очереди – через 4, 6, 7 лет, как припомнили собеседники; промежутки увеличивались во времена войн, эпидемий и неурожаев. Такие большие, как намечаемое в Камбенете в нынешнем 1414-м году от Возвещения Тарлагинова, случались раз в поколение и надолго оставались в народной памяти. Предыдущее сравнимое было в 1394 году в приморском городе Лукмоне; тогда участвовали с полсотни команд, но в основном мелких приморских. В этот раз герцог решил помочь городу, скинулись главные купцы, отмечая заключение мира с королём Дерифадом. Дороги освободились, снежная зима обещала буйное разнотравье, отчего бы не возвеселить душу. Рыцари отпраздновали мир большим турниром прошлой осенью, настала очередь городов.

Почему именно состязание арбалетчиков? Соответствующее стрелковое общество святого воителя Эствана – не просто часть городского ополчения, даже более важная, чем Белые Капюшоны. Это одно из почтеннейших городских братств, опора порядка в городе и округе. Триста членов согласно выданной сто лет назад совместно герцогом и городом хартии обязаны каждое воскресенье участвовать в стрельбах в специально дарованном обществу пригородном саду с непременно последующим застольем, скрепляющим дружбу и взаимопомощь. Раз в году на святого Эствана они участвуют в проверочных соревнованиях – на общее мастерство и священное со стрельбой по попугаю.

– Что за попугай? Это заморская говорящая чудо-птица.

– Вроде скворца? – догадался Мелиден, – У нас их некоторые учат выражаться непристойным образом.

– Как можно сравнивать с нашими безмозглыми повторялками! – возмутился гонец Горних. – Ничего даже близко похожего. Зловещий попугай предсказывает судьбу и глубокомыслием превосходит величайших людских мудрецов. Кто его добудет, избегнет всех несчастий и добьётся великого богатства. На тех блаженных островах он царит в небесах так же, как мантикеры на земле.

– В наших убогих холодных краях попугаи не водятся и никто их не видел, понятное дело, – продолжил другой гонец, Жален, – поэтому их принято заменять крохотным бруском полпальца длиной и четверть пальца высотой, на котором закреплён пучок перьев из хвоста сойки. Врывают в землю столб высотой десять сажень с верёвочной лестницей, вверху на штыре укрепляют вышесказанного попугая, отходят за черту тоже в десяти сажнях и стреляют по старшинству. Кто первый сумеет сбить эту крохотульку, становится королём гильдии на следующий год и получает право сидеть за первым столом с главой гильдии и лучшими людьми, даже если сам простой разносчик.

Дальше пошли байки про заморского короля, приплывшего в баснословные земли и первым делом сбившего с дерева упомянутого попугая, что принесло ему неслыханную удачу. В честь чего и стали устраиваться стрелковые состязания с бог знает каких языческих времён. Не без труда Мелидену удалось вернуть беседу от сказочного к настоящему.

Выяснилось, что в обществе арбалетчиков (в других городах свои союзы называют гильдиями, то есть цехами с уставом, на побережье братствами) считают за честь состоять лучшие люди города, члены Городского Совета, первые купцы и их сыновья, старшины цехов. Среди почётных членов есть даже Бастард Мелис, сводный старший брат нынешнего герцога и доблестный воин. Но большинство простые цеховые мастера и их сыновья, есть даже грузчики и разносчики, хотя снаряжение арбалетчика стоит недёшево, надо платить ежегодные взносы и вносить смертные деньги.

Что такое смертные деньги? Важнейшая забота членов духовного братства (а общество святого Эствана – и духовное братство тоже) не только помогать пострадавшим в земной жизни собратьям, но и облегчить посмертное упокоение их душ. Когда умирает член общества, все собратья обязаны присутствовать на похоронах и богослужении, уж его рота – непременно, в ливреях, со свечами и благопристойным образом. Имя и занятие усопшего заносятся в особую книгу и капеллан часовни святого Эствана при храме Четырёх Основоположников обязан ежегодно поминать усопших членов общества и молиться за вознесение их душ. За это ему положена особая плата.

Да, у общества есть своя часовня, где хранятся завоёванные призы и дары его членов. В трудные времена их можно пустить на переплавку, но – хвала господу – гильдия ставит честь выше сиюминутной корысти. Поэтому некоторые кубки лежат там с незапамятных времён в окружении драгоценных тканей. Только члены гильдии могут входить в огороженный сад святого Эствана, где также отдыхают от воинских трудов, а заседает общество не где-нибудь, а в Городском Зале. Ничего удивительного: как уже сказано, четверть Городского Совета – члены общества, а остальные имеют в нём близких родственников.

Тут Мелидену припомнилось, как когда-то налоговый досмотрщик сказал ему, что он получит права гражданства, если сумеет вступить в общество арбалетчиков.

– А что, трудно вступить в это общество? – спросил он присутствующих.

– И легко, и нелегко одновременно, – ответил широкоплечий старший замковый артиллерист Дорин Хромой, поглаживая рыжую бороду лопатой с частой проседью. Он заметно прихрамывал, пострадав от несчастного случая, столь обычного в этой опасной профессии. – Считается, что должно освободиться одно из трёхсот мест по хартии. Надо заплатить вступительный взнос 48 делевров (из них треть на общее застолье), потом делать ежегодный взнос в делевр, надо внести смертные деньги 32 делевра. За неявку на ежегодные соревнования – штраф в 6 делевров. Надо быть телесно достаточным и не старше шестидесяти лет. Надо быть мужем честной жизни и доброй репутации, что готовы засвидетельствовать глава, деканы и почётные члены общества. Десяток, где открылась вакансия, должен согласиться принять нового собрата. Конечно же, надо иметь арбалет со всем снаряжением и уметь хорошо им пользоваться – стоимость снаряжения должна быть не ниже 80 делевров и предъявить его надо в течение шести недель после приёма и перед принесением присяги. Если в последующем не окажется нужного снаряжения в наличии – штраф 25 делевров. Надо участвовать в воскресных стрельбах, а для этого жить в городе или его окрестностях. Кроме того, члены общества помимо обычной сторожевой службы на стенах обязаны помогать судебным приставам и городской страже при поимке и доставке в тюрьму злоумышленников и буянов. Не только в городе, но и бороться с разбойниками в округе. Обязаны охранять городские процессии, встречать важных гостей города и служить им почётным сопровождением. При военном положении членам общества запрещено покидать город без разрешения Городского Совета больше, чем на три дня.

– В общем, если всё выполнять досконально, наверное, в гильдии никого бы не осталось. Но на деле достаточно быть хорошим стрелком, подтвердив это на испытаниях, и получить одобрение «первого стола». Неимущего легко освободят от вступительного взноса. На деле 9 из 10 не платят вступительный взнос, зато остальные обычно вносят многократно. В гиль-

дии достаточно богатых членов, гордящихся тем, что покрывают общие нужды, и умеющих привлечь средства города, например, шесть из восьми камбенетских семей, состоящих в ганзе. Некоторые предоставляют щедрые дары по собственной доброй воле и даже отписывают большие средства в завещаниях – на пиры и выезды на соревнования, на церковные службы, на помощь госпиталю, где призывают увечных членов общества, на помощь вдовам и сиротам – для своей славы и угождения богу. От воскресных занятий тоже нетрудно уклониться, если и так хорошо стреляешь – на них собираются больше ради последующей пьянки на свежем воздухе.

– Послабления послаблениями, но как я понял, у членов общества сплошные обязанности, где же права? Деньги на свои похороны можно откладывать и в другом месте.

– Забота собратьев о посмертном упокоении – дело отнюдь не маловажное и лучше, когда этим занимается могучее братство, а не цех каких-нибудь бондарей или моты-наследники. Еще важнее, что члены общества поддерживают друг друга и в этой земной жизни. Стрелковое общество – верная опора лучших людей города, даже более верная, чем наёмная стража и буйные «Белые капюшоны». С другой стороны, его малые члены могут обратиться за помощью к сильнейшим, с которыми пируют за одним столом. Кроме того, город покрывает дополнительные услуги общества, выходящие за пределы обязанностей обычного ополчения. Ему ежегодно даруется изрядное количество лучшего заморского вина, доступного не всякому рыцарю – не пива, которое пьёт простонародье. Это чтобы чаще посещали занятия и состязания. На ежегодный пир город дарует по делевру на каждого из 300 членов – это только на еду. Даруют воск за счёт городской казны для похорон и церковных служб. Вся дополнительная воинская служба и участие в стрельбах в других городах щедро оплачиваются городом, победители ежегодных соревнований внутри общества получают денежные подарки, кроме общего вина, а победители в других городах – втрое, поскольку от них зависит городская гордость. За счёт города членам гильдии шьют штаны из лучшего плотного сукна – одна штанина бордовая в герцогский цвет, другая серая в городской. Если же средств в городской казне хватает, то даруют и кафтаны тех же цветов, но обычно только первому столу и взаймы для участников торжественных процессий. Наконец, членов гильдии освобождают от ответственности в случае случайной гибели или ранения посторонних во время состязаний – такое редко, но бывает.

– Вступительные 80 делевров за арбалет с прочим – не слишком ли много? Это должен быть арбалет с воротом, не иначе, даже если включить простой меч и простую бригадину со шлемом. Самый дешёвый тисовый самострел стоит на местном рынке в пять раз меньше. Моё, например, снаряжение перекроет эту сумму разве что с мечами и кольчугой.

– При обществе есть так называемые «младшие» – не вошедшие в число трёхсот и не обладающие их полными привилегиями, но имеющие право участвовать в соревнованиях и обязанные нести сторожевую службу. У них есть свой «младший декан», назначаемый основной или «старшей» гильдией. Те, кто не могут или не хотят нести полные обязанности, но всё-таки частично пригодны, входят в эту подгильдию. К ней относится и особое общество лучников, которое держится особняком и имеет свою часовню святого Фирина.

– Кто сейчас «головной человек» общества? Маэль «Длинный» из семьи Диревено, член Городского Совета и городской казначей. «Головной человек» – почётная пожизненная должность, отвечающая за представительство гильдии перед герцогом и городом. Для повседневных дел ежегодно, после стрельбы по попугаю на святого Эствана, выбирают двух деканов, из которых старший ведёт счёта, а именуемый «посредником» помощник следит за соблюдением устава и разбирает споры собратьев. Этих деканов должен утвердить Городской Совет. Есть также валет, оповещающий собратьев о стрельбах и других событиях, и клерк, который ведёт записи и поддерживает связь с капелланом и госпиталем. Общество делится на три роты, состоящие из десятков. Десятки возглавляют десятники, избирающие старшего десятника – командира роты. Тоже раз в год, но обычно тех же самых, в отличие от деканов – этих не поло-

жено выбирать два года подряд без перерыва. Что значит «декан»? Также десятник, но на древнем малоардском языке.

– А в этих летних состязаниях будут стрелять по попугаю на столбе, или как его там? – не унимался любознательный Мелиден.

– Нет, будут обычные стрельбы на рыночной площади у южных ворот, где торговый пригород, – ответил гонец Жален, обычно неразговорчивый невысокий и худощавый мужчина средних лет со светлыми волосами до плеч. – Письма от Городского Совета уже готовы, поедем послезавтра. Стрелять будут за сто пятьдесят шагов по круглому щиту фут в поперечнике. Болты должны быть не легче одной шестой фунта и не длиннее фута с четвертью, арбалеты – не тяжелее пятнадцати фунтов с носимым при себе натяжным устройством. Это чтобы не таскали крепостные двухфутовые и не стреляли облегченными болтами мошенническим образом. За участие иногородним гильдиям будут дары на покрытие расходов, помимо бесплатного пива и вина, и особая премия за самый красивый въезд – золотая цапля лучших ювелиров Гетальки. Победителям выдадут золотые и серебряные кубки и чаши за первое и второе места, гильдии в целом и лучшим стрелкам. В каждой команде не более дюжины участников, каждый делает четыре выстрела.

– По числу Основоположников, в честь коих назван наш храм, – вмешался один из щитосцев. – В других местах бывает по три выстрела, по святой Троице, а где-то пять, по лучам священной звезды.

– Смешно сказать, новое общество блудословов «Пион» пыталось подсуетиться и заодно за городской счёт устроить состязание пьес, как принято в Гетальке и Венни, – вмешался самый молодой из гонцов Горних, их лучший боец, жилистый парень лет 25—27 с худым обветренным лицом, тонким носом с горбинкой, колючими серыми глазами и светло-русыми волосами, заплетёнными в короткую косицу по непонятно чьей моде. – Но хоть у них и собрались большие шишки, Городской Совет отказал, Мейден Сведен отказался платить тоже. Оно и понятно – и без того большие расходы. Но какова наглость! Только рифмоплётов со всего Средиземья нам не хватало кормить за свой счёт.

– Это не твои налоги, Горних, без тебя разберутся, на что тратить. А выступления на подмостках будут, пусть и скромные. Какой без них праздник, – осадил его сидевший напротив инженер с бородкой клинышком, разделённой седой прядью, отличавшийся изысканностью манер и протяжным иноземным акцентом. Одет он был в рыжую кожаную безрукавку на шнуровке поверх дорогой шерстяной рубахи.

За средним столом в трапезном зале помещалось больше двух десятков заседателей, однако обычно обедали не больше половины. Здесь располагались люди солидные, не слишком ценившие казённую овсянку с жёсткой говядиной – это мелочь пузатая с нижних столов была озабочена пожрать пусть невкусно, но даром.

К Мелиденовой скрытой досаде, печенье Диан было принято гонцами без должного восторга. Не потому, что плохое, а потому что разврат – «не жили хорошо, нечего и привыкать». Гонцы считали своим долгом приучать себя к воздержанности, даже когда в ней не было необходимости. Артиллеристы были им под стать. Только старший инженер Агерок аут Марейн оценил Дианин дар по достоинству, не посчитав «бабьей забавой».

К удивлению Мелидена, оценил печенье и рыже-плешистый сухопарый мастер арбалетчиков Гент Даене. Вопреки совету жены, Мелиден не решился отправить остаток корзины к верхнему столу, уж больно дешёвым заискиванием пахло от подобного жеста. Но интересная многим тема привлекла на пустовавшие места некоторых смельчаков-артиллеристов снизу, а затем не побрезговал подселиться и сам мастер арбалетчиков.

Мелиден осторожно предложил ему одно из коричневых печений, арбалетный начальник попробовал, оценил и без церемоний попросил остаток для жены и дочек.

– А что так мало осталось? – спросил он вместо благодарности.

– Принёс угостить гонцов с артиллеристами, но они говорят – разврат для баб. Поэтому не решился послать к вашему столу.

– Только в наших высях и способны оценить по достоинству те шедевры кулинарной изысканности, которые, как оказалось, способна творить твоя преисполненная достоинств милашка. А ты парень не промах, раз сумел с ходу откопать такую жемчужину, такой амарант в навозной куче, именуемой восточным Предместьем. Если что испечёт еще, тащи сразу к нам. Полагаю, нет ничего лучше сочетающегося с красным сухим урталагрисским. А на этих, – явно подавший мастер Даене обвёл выразительным жестом окружающих, – тратит такую амброзию, что свиней кормит апельсинами. Они привыкли овёс жевать вместе со своими лошадьми, запивая протухшим пивом. Берегут прибитки на кусок пожухлого луга с каменной хибарой, который позволил бы к дряхлому возрасту вообразить себя недодворянином...

Слушатели ощущали неловкость от начальственного злословия. Жален с Горнихом подавляли в себе очевидное желание возразить, но всё же помалкивали. Мастер же Даене, не обращая на них никакого внимания, сконцентрировался исключительно на Мелидене. Заметив тень сомнения на его лице, он возгласил:

– Не жмись, за нами не заржавеет. Уж мы найдём, как компенсировать, клянусь утробой моей матери. Твоей Диан будет открыт вход в Замок в любое время, я тебе обещаю. Никто на неё не посмеет раскрыть пасть, впрочем, для этого и тебя достаточно. Думали послать тебя с кем-нибудь из гонцов в послезавтрашнюю рассылку, но если хочешь – оставайся, пошлём других.

– Я бы как раз поехал. Весна, самое время для путешествий, взбодриться, посмотреть другие земли.

– И отлично, сразу видно бравого воина. Все бы брали пример, а то приросли задницами к лавкам, найти подходящего человека – превеликая забота, чтобы был не пьяница и дебошир, не лопухий мямля, и не ссылался на свои придворные обязанности и дядю-графа. С кем хочешь ехать? Старый Кри проедет по Орине, Горних на восток, Жален в Пятиграфье и Берар, а Туллаг Чёрный – в Приморье.

– Мне без разницы. С одной стороны, я лучше знаю дорогу на восток, с другой стороны, именно поэтому было бы полезнее увидеть новые места.

– «С одной стороны, с другой стороны», – передразнил его чернобородый Туллаг, тоже изрядно набравшийся и не способный сдержаться несмотря на присутствие начальства. – Тебе бы не в телохранителях ходить, а к инженерам податься, таким же заумным безбожникам.

– Гонцу ли не знать, – отвечал уязвлённый Мелиден, – что с одной стороны его могут прирезать, а с другой застрелить. И кто не сумеет выбрать сторону с меньшей вероятностью, всё взвесив и рассудив, того черти будут лечить от глупости в преисподней. И никакие моления духовных собратьев не спасут его неразумную душу. Между прочим, кто-нибудь из вас состоит в обществе арбалетчиков? Кажется, самое ваше ремесло.

– Откуда им, – хохотнул мастер арбалетчиков, – только завидуют и пускают слюни. Они на герцогской службе, а общество – из вольных горожан, кроме почётных членов, конечно. Я мог бы стать, если бы захотел. А они подневольные и рылом не вышли.

– Старому Кри в Орине такой боец, как ты, без надобности, – Даене вернулся к деловому вопросу, – с Жаленом в Пятиграфье лучше пошлём Лигера-младшего из Карфина, пусть проведает родных по дороге. Поэтому выбирай, на восток с Горнихом или на запад с Туллагом.

– Я же говорю, без разницы. Можно бросить монету: звезда – запад, титул – восток.

– Так бросай, чего ждёшь.

– Звезда.

– Оно и к лучшему. Там тебя никто не знает, пока еще. Поглядишь на цивилизованный мир, может быть, удостоишься лицезреть самого его королевское высочество Дерифада, чтоб его приподняло и шмякнуло. Там надо держать ухо востро, но вряд ли тебя нужно учить. Понадобится объехать пять городов, четыре по дороге в Венни, а также Гермен-брод направо в Загорье. Надеюсь, разберётесь кто куда. А пока иди к своей вдове, завтра утром обо всём договоритесь с Туллагом.

Удивительно, как всего за два с половиной месяца застолий испарилась первоначальная опаска и чопорные, недоверчивые к чужакам камбенетцы совершенно перестали стесняться Мелидена. Наверное, он сумел вызвать доверие выбранной манерой поведения, не ссорился зря, не лез в чужие дела, не наушничал, не искал выгод за счёт других, но умел поставить себя, был сдержан и разумен. А может быть репутация первобытного воителя из медвежьего угла, а ныне пригородных выселок снимала подозрения, которые вызвал бы местный придворный интриган. Или сказывалось большое количество тоже беглых приморцев среди артиллеристов, которые были живее коренных камбенетцев. Что ж, хорошо, что пока так.

Глава 3. Драма «Тарлагянки»

Примчавшись домой, Мелиден поспешил доложить:

– Послезавтра меня посылают в Гетальку и Венни, а также Загорье. Повезём приглашения на состязание арбалетчиков в конце июня. Если у кого есть письма в ту сторону или иные недолгие поручения, пусть скажут. А представление мне не увидеть, что поделаешь.

– Жалко, тебе понравилось бы. Может быть, согласишься в Венни. Хотела бы там побывать. Ты видел море когда-нибудь, мой милый?

– Да, но на другом конце Средиземья, на юго-востоке, и только в детстве.

– А я нет. Ничего не видела, кроме Камбенета и ближних мест. Говорят, там чудесно, тепло и изобилие всего, огромные дома, а люди не такие мужланы, как у нас.

– Хорошо там, где нас нет. Я слышал другое, что там одни лживые извращенцы, жара и мухи. Короче, расспроси знакомых, не надо ли кому что отвезти в сторону Венни. А твоё печенье очень понравилось мастеру арбалетчиков и старшему инженiatorу. Говорят, будут пускать тебя в Замок в любое время. Надо было тебе открыть пекарню, тогда не пришлось бы мыкаться столько времени.

– На всё нужны деньги. Про письма спрошу, но мало времени. Может быть, ты там узнаешь, кому продать твой шетокс? Там много богатых людей и тебя никто не знает.

– Попробую, но не в этот раз, сначала надо осмотреться. А ты еще поспрашивай, не продаёт ли кто небольшое имение поблизости. Может быть, и новый дом построим с пекарней, если всё пойдёт хорошо. Спешить некуда, но лучше быть готовыми, если вдруг разбогатеет. Монеты жгут руки, сегодня есть, завтра отнимет кто-нибудь. Лучше без задержки вложить во что-то надёжное, с заверкой у нотариуса.

– Диан, – закончил он, пристально глядя в милое лицо, – только ты для меня здесь важна. Я постараюсь быть осторожным, но и ты будь осторожна. Нам не на кого больше рассчитывать, только на свою предусмотрительность. Я сделаю для тебя всё, что смогу, не пожалю никого и ничего. Но и ты будь разумна. Мои силы ограничены, а будущее неведомо.

Диан вместо ответа прильнула к нему, и Мелиден остро почувствовал, что ему есть еще для чего жить. В последнее время он редко бывал с Диан, маршалы начали доверять ему и совсем заездили. Когда же удавалось заскочить домой по пути куда-нибудь или всё-таки выбраться ночевать вечером, обычно там обнаруживалась компания подъедавших и отогревавших соседских детей или девиц, прявших, шивших, вязавших и распевавших незамысловатые песни, что-нибудь типа такого:

Расколся сырой дуб
На четыре грани,
Кто голубку обоймёт
Того душа в рае.

Чаще всего попадалась двоюродная племянница Стине с еще более долговязой, больше-ротой подружкой постарше. Мелиден не возражал, хотя припасы убывали быстрее положенного: такое общество лучше предосудительного, и кое-какая помощь по хозяйству беременной жене.

Увы, человек полагает, а бог располагает. С поездкой к морю вышел облом. Когда утром следующего дня Мелиден обсуждал с Туллагом предстоящее путешествие, к ним подошёл слегка сконфуженный мастер арбалетчиков.

– Извини, Меле, но съездить за казённый счёт в Гетальку уже нашлось множество желающих из Верхнего Замка. Заодно обсудят условия предстоящего визита принца Калентера

к невесте. И от Городского Совета тоже поедет пара старшин со своими людьми. Одноглазый Нергайс не может им отказать и включить тебя в список, он и так слишком длинный.

– Пустяки, – ответил Мелиден, стараясь не показать, что уязвлён, – не очень-то надо. Пусть придворные щёголи порастрясут зады и надувают щёки в Гетальке. Взамен я смогу посмотреть представление Братства Страстей из Венни послезавтра. Это будет у нас, на паперти святой Йонет.

– Что посмотришь от начала до конца, не сомневайся. Я как раз не знал, как тебе сказать, что придётся выйти на службу в воскресенье, на охрану знатных особ во время этого представления, – обрадовался начальник. – Поговаривают, будто сам герцог собирается посмотреть это «чудо», многие высшие семейства будут точно. Первое представление они пропустили, но теперь епископ своим запретом разжёт интерес. С одной стороны, будешь сторожить их во всей воинской красе, с другой стороны, ублажишь свою деятельную вдову. Можешь ублажать её и в понедельник вместо воскресенья. Ведь это она желает приобщить лесного разбойника к высокой культуре, а как отказать такой обаятельной и хозяйственной девице.

– Тогда могу ли я сходить домой и предупредить, что не уеду завтра?

– Иди и можешь не возвращаться сегодня. А в Гетальку еще представится случай съездить, будь уверен.

Погода между тем заметно потеплела, из Ложбины дул сильный юго-западный ветер, принося благоуханные ароматы приморской равнины и разгоняя редкие облака на ярко-голубом небе. Последние пятна снега стремительно исчезали, дороги и поля подсохли. Весна вступала в свои права, пришло время огородных работ.

Утром 25 апреля гонцы и сопровождающие готовились к отбытию, когда Мелиден подошёл к Туллагу и, после обычного обмена приветствиями, попросил негромко:

– Послушай, вот что... Когда ты будешь в Венни, не мог бы ты купить для нас хотя бы полфунта корицы? Только не дороже 4 делевров за фунт. В Камбенете её продают по бешеной цене, и то редко. В порту должно быть намного дешевле.

Буйно заросший Туллаг посмотрел иронически, сплюнул и тщательно растёр плевком носком левого сапога, чтобы не прибрали духи-пакостники:

– Ты разве не знаешь, что пряности – таможенный товар? Кроме того, торговля ими – привилегия особо уполномоченных купцов из Венни. Хочешь, чтобы меня выгнали с позором и разорили пенями? А гильдейцы из Венни могут и прирезать невзначай.

– Ты знаешь, что нам надо немного и не для перепродажи. Не мне, а Диан, чтобы делать печенье для Замка. Маршалам оно понравилось. И не надо притворяться, будто живёшь на сорок делевров в месяц. Ведь возишь то для одного, то для другого.

– Я вожу почту для частных лиц, а не запрещённый товар. Маршалы об этом знают, поэтому не рассчитывай на этом сыграть. Сидишь с нами за одним столом, подслушиваешь наши разговоры и думаешь нас этим прижать?

– Что за глупости, что ты несёшь. Вози, что хочешь, я бы вовсе отменил эти монополии и пошлины. Я лишь говорю, что если сможешь привезти немного корицы по умеренной цене, мы купим. Не сможешь, значит, не сможешь. Хотя что такое полфунта. Тебя никто не будет досматривать во время столь важного визита. Если и заметят, скажешь, что везёшь для своей семьи добавлять в вино, лекари посоветовали для здоровья.

– Я бы привёз, – успокоился Туллаг, – но больно сильно пахнет. Почувствуют – будут вопросы.

– Заверни получше, положи рядом с чем-нибудь еще более пахучим, чтобы перебивало.

– Попытаюсь, но не обещаю, как получится.

– Само собой разумеется. Я тоже не останусь в долгу, если что потребуется. Счастливого пути.

И вот наступило воскресенье на апостола Страмаура. С утра Мелиден выехал на арбалетную стрельбу под визгливые крики громадных стай хохлатых чибисов, только что прилетевших с юга. Эта птица любит сырые луга и травянистые болотца, которых в северной Орине хоть отбавляй. А после домашнего обеда он отправился охранять зрелище. Умелые плотники, щедро оплаченные Сведенами, сумели в кратчайшие сроки установить не только подмости на паперти церкви святой Йонет, но и деревянные скамьи полукругом лесенкой. Благо, основную часть изготовили к первому представлению у святой Биры, достаточно было разобрать, перевезти и собрать на новом месте.

На верхних скамьях восседали важные персоны, пока простой народ толпился внизу, с головами на уровне ног актёров. Правое крыло (хотя со сцены левое) заняли купцы и городские старшины с семейной четой Сведенов на самой верхотуре, левое – замковая знать. К общему удивлению, в последний момент явилось герцогское семейство в полном составе, тем самым показав афронт епископу Брабону. На этот раз оно оделось скромно в тёмные одежды. Пришёл и мастер арбалетчиков со своей семьёй из одних девиц, от мелких до перезрелых, и немало других придворных – но недостаточно, чтобы заполнить все скамьи, сказалось отсутствие предупреждения о появлении самого герцога. Вход был платный, авделевр за сидячее место и два шеума за стоячее, поэтому простого народа собралось не очень много, сотни три, не больше. Мелидену досталось место сбоку в нижнем ярусе с купеческой стороны, противоположный замковый фланг заняли придворные телохранители.

Покрытая навесом сцена поднималась фута четыре над землёй, на заднике были искусно намалёваны горы, зубчатые башни и деревья, слева имелось небольшое возвышение для глашатая, за ним скрывалось отделение для переодевания актёров, откуда поднимались по лесенке. Глашатай пояснял содержание драмы – невзрачный пузатый мужчина, обладающий, однако, зычным хорошо поставленным голосом. Вообще, все актёры обладали замечательными, сильными и выразительными голосами, хотя говорили с непривычным тягучим гнусавым акцентом и выражения пьесы казались несколько старомодными.

Дело происходило в Октахе, месте рождения богочеловека Тарлагина, где ниспосланная свыше молния исторгла его из чрева матери Вальгины. Теперь он вернулся в родной город, чтобы возвестить свою божественность землякам, которые его не признают. Его сопровождают неистовые тарлагинки, они помогли распространить его культ на востоке в Малой Арде и теперь утверждают его у истоков богопроявления. В них обратились и сёстры Тарлагина, насмеявшиеся над ним, а теперь ушедшие в горы, чтобы славить последнего пророка.

Но у Тарлагина появляется противник – молодой царь Октахи Табалир, который в его учении видит только бесчинство и обман. Тарлагин должен доказать ему свою божественность, противоборство этих двух главных действующих лиц и является стержнем драмы.

Тарлагина играл сильный и ловкий мужчина лет тридцати-сорока, обладатель прекрасного голоса, которого можно было бы назвать красивым, если бы не первые признаки красноты и одутловатости, свидетельствующие о злоупотреблении горячительными напитками. Царя Табалира представлял такой же высокий и подвижный темноволосый мужчина со столь же сильным голосом, но более заурядным лицом. Вместе они составляли достойную пару. Оба были одеты в длинные, до пят, просторные одежды старинного вида. Но у Табалира они были чёрные и голову его украшал высокий причудливый колпак, разрисованный строго симметричными символами солнца, луны и звёзд, тогда как ниспадающее полотняное платье Тарлагина было белым, густые волосы почти до плеч скреплены только узкой повязкой на лбу, а лицо украшала приклеенная бородка согласно каноническому образу.

Их поддерживал небольшой хор малоардских тарлагининок в коротких подпоясанных туниках, стоящий в глубине. Под звуки флейт и небольшого барабана они провозглашали счастье верующего отдаваться мистически своему богу на лоне природы. К большому своему

удивлению, в одной из хористок Мелиден узнал собственную супругу. Голосок у Диан был тонкий и слабенький, хотя мелодичный, зато искусно подкрашенное лицо, стройная фигура и обольстительные движения выделяли её среди подруг.

В длинных стихах хор воспевал путь, ведущий к Тарлагину и уводящий от искусственности городов к естественности гор, к волшебству деревьев и животных – изначальных божьих творений. О том, как облачённый в шкуру молодого оленя человек под пьянящие звуки музыки вступает в мир природы, и земля кружится в пляске вместе с ним. Он приходит в экстаз, падает на землю и созерцает божьих ангелов, которых призывает.

Не только тарлагианки слышат божественный призыв. Слышат его и два старца-язычника – прорицатель и дед царя Табалира; их искусно изображали те же два главных актёра. С тех пор, как дыхание бога веет над городом, их сердца бьются быстрее. Они взяли священный жезл и идут в горы славить богоявление.

И вдруг выходит царь Табалир. Он прям и мужествен, он отвечает за порядок в городе, новый культ для него – грубый разгул. Уход старцев в горы – безумие, вызывающее в нём сильный гнев, который он изливает в громогласных стихах. Он приказывает своим воинам бросить в темницу тех тарлагианок, которых удастся схватить, а затем и самого Тарлагина. Глашатай подсказывает зрителям, что тем самым царь губит себя.

Когда разбойного вида ряженые потащили вопящих хористок за сцену, охваченный волнением Мелиден еле сдержался, чтобы не залезть на подмостки и порубить злодеев, как капусту. Но всё-таки дисциплина взяла верх и он остался на своём месте, елозя от непривычно долгого сидения на жёсткой скамье. Лучшие люди, как он заметил, приглядевшись, благоразумно принесли с собой подушки.

Тут женский хор из-за занавески вновь запел о блаженстве, которое снизойдёт на того, кто отдастся богу. Тарлагин – податель радости, с ним нет больше страданий, он – веселье и наслаждение. Горе тому, кто помимо него считает себя мудрым. Человеческая мудрость – вот подлинная гордыня и безумие. Блаженны нищие духом, человек находит упокоение только в бесхитростной вере. Господь утаил от мудрых и разумных.

Затем стража приводит Тарлагина, закованного в цепи. Тем временем тарлагианки чудесно освобождаются – цепи сами ниспадают к их ногам, засовы сами открываются. Но царь не обращает внимания на сообщение глашатая о чуде. Он весь устремлён к закованному чужеземцу: какая удивительная красота! Царь спрашивает, Тарлагин кротко отвечает. От этого царь всё сильнее раздражается и угрожает, малоардиец отвечает со спокойствием более грозным, чем гнев Табалира: «Ты сам не знаешь, что желает сердце, ты сам не знаешь, что творит рука. Ты сам не знаешь, что ты есть и будешь». Наконец царь отсылает пленника.

Снова раздаётся пение хора, требующего появления пленённого богочеловека – и вдруг тот отвечает из глубин темницы. Хор узнаёт владыку: «О господи, господи». Сворачивается очередное чудо: земля колеблется, камни темницы рассыпаются, вздымается пламя и Тарлагин вновь во дворце. Тарлагианки хора падают к ногам своего господина и поклоняются ему. Царь воспринимает это чудо с ужасом и негодованием, малоардиец же на его взрыв возмущения отвечает лишь: «Я говорил тебе: меня развяжут».

В пояснение действия глашатай возгласил громоподобным голосом: *«Дух божий на мне, ибо бог помазал меня благовествовать нищим, послал меня исцелять сокрушённых сердцем, проповедывать пленным освобождение и узникам открытие темниц, проповедывать лето господне благоприятное и день мищениа бога нашего; утешить всех сетующих»*. Фраза лишь отчасти вязалась с происходящим, но будучи всем знакомой и долженствующей безусловному одобрению, вызвала горячий восторг зрителей.

Новое чудо: с гор Кайрен приходит погонщик мулов и в восхищении рассказывает о привольной жизни тарлагианок на лоне природы: там рай для безгрешных, живущих в дружбе с миром. Тарлагианки играют со змеями, кормят грудью волчат и ягнят, там мёд стекает с лозы

и вино бьёт из скал, под нажатием пальцев земля истекает молоком. Но когда пастух пытается захватить ушедшую в горы Коим, чтобы привести к сыну-царю, природа восстаёт против него, гору охватывает исступление.

Однако и это чудо только ожесточает Табалира, он становится всё непримиримее к вере, которая оскорбляет его приверженность к порядку. Он поведёт войско против горы и подчинит сверхъестественное разумному.

В ответ Тарлагин проявляет своё милосердие, он предлагает царю отказаться от своих намерений, обещает ему свою дружбу и поддержку, если тот смирится. Но Табалир принимает это предложение за подвох и насмешку, и упорствует в своём жестокосердии.

Тогда отношение богочеловека меняется. Он подчиняет себе Табалира и побуждает его переодеться тарлагинанкой, чтобы понаблюдать за верными богу в горах. В умственном ослеплении тот охотно уступает, он смел и хочет пойти на разведку. Торжествующий Тарлагин сообщает об этом хору, который пением свидетельствует о радости отдаваться богу, о наслаждении резвиться среди деревьев и животных на высотах.

Обречённый царь выходит из дворца, преисполненный безумной радостью. В полубреду ему мерещатся два солнца и два города Октахи. Он в восторге от своего женского одеяния. Он потерял уважение к себе, будучи тайно поражён богом.

После этого глашатай с подробностями рассказал, как тарлагинанки разорвали Табалира на части – «разнесли по суставам». Хор воспринимает эту речь с бурной радостью. Ликующая Коим приносит в Октаху на острие посоха голову своего сына, которую принимает за голову убитого в горах зверя. Её старый отец возвращается с горы Кайрен с растерзанными останками царя и раскрывает Коим, чью голову она держит в руках, выводя её из безумия наводящими вопросами. С плачем и перечислением Коим целует части тела Табалира.

Наконец, в небе появляется Тарлагин. Его величие ослепляет, справедливость ужасна. Глашатай объясняет, что Табалир не удостоен благодати – смотрит, но не видит, отталкивает протянутую ему руку. Другие тоже слишком поздно признали бога в Тарлагине. Бог – поток жизни во вселенной, тот, кто отвергает слияние с ним, будет покаран. Мудрость, которую человек пытается творить за пределами этого великого целого – безумие: «мудрствование не есть мудрость». Только вдохновенные познают в себе присутствие бога и будут награждены.

Закончилось представление поздно вечером. Сказать, что Мелиден был в чрезвычайном замешательстве, означало бы сильную недооценку его состояния. Он был уже достаточно развит, чтобы понять и принять много больше, чем бессмысленно глазевшая толпа обывателей, тем не менее, увиденное нелегко укладывалось в голове.

Ясно было только, что предложенная картина страстей и чудес господних сильно отличается от канонической. Конечно, представление посвящалось побочному и не очень значимому эпизоду Тарлагина возвещения и жития. Всё равно, его образ слишком не походил на то, чему учили с детства. Сама основа отличалась. Где всепрощающий учитель? Здесь он карает всю семью ослушника, даже тех, кто искренне к нему обратился, пусть не сразу. «Слишком поздно» – была такая завершающая фраза в драме. Но разве раскаяние – заведомо позднее – не искупает грехи? И как-то непохожи буйно резвящиеся тарлагинанки на смиряющих плоть монахинь. Разве путь к блаженству в слиянии с природой, объявленной божьим творением, а не в отказе от мирского? Не язычество ли это? Или ересь такая, что всё липенское строговение кажется детским лепетом?

Неудивительно, что епископ Брабон так на неё взъелся. Взъелся – но наполовину, выгнал из города, но терпит в предместье. Тоже, наверно, в замешательстве. Если это и ересь, то совсем не похожая на Братство Святого Духа, которое, как говорят, набирает сейчас силу в Гетальке.

Герцог Аренд был также заметно взволнован. Неизвестно, что он вынес из сыгранной перед ним драмы, но само его появление свидетельствовало о том, что уклоняющиеся от право-

верия получили могущественного покровителя. И это удивительно – до сих пор герцога упрекали за излишний практицизм, отнюдь не за духовные искания.

Глава 4. Обсуждение спектакля

В последующие дни обсуждение приморского «чуда» стало главной темой обеденных разговоров за средним столом в трапезном зале. Отсутствующие гонцы временно заместились ближайшими сотрудниками старшего инженера Агерока аут Марейна и старшего артиллериста Дорина Хромого. Таким образом, эта группа решительно возобладала за Мелиденовым столом. Некоторые из маршальских щитоносцев тоже сходили на представление, хотя их привело в недостойное возбуждение не столько игрище само по себе, сколько неожиданное присутствие на нём Мелиденовой подруги в новом качестве. Регулярно стал подсаживаться и мастер арбалетчиков Гент Даене – беседы в «чистилище» сделались для него интереснее поднадоевших собратьев-маршалов.

«Инженiator» – «проникший в душу вещей» на древнеардском наречии. Так называют мастеров по особо хитрым выдумкам – инженерумам, будь то обустройство крепостей, соборов или осадных машин. Тогда как артиллеристы – младшие собратья инженерумов, обслуживающие их выдумки. Артель – мастерская по изготовлению вещей, требующих высокого искусства, тоже на древнеардском языке.

Постепенно Мелиден перенимал всё новые мудрёные слова у застольных собеседников, которые в большинстве своём были выходцами из больших городов Приморья, а некоторые учились и в полусказочном Заморье. Те также были польщены возможностью просветить залётного мечемахателя, неожиданно проявившего любознательность к их высоким материям. Обычно-то турнирные бойцы эти материи в грош не ставили. Калокагатия – слияние прекрасного внешне и доброго внутренне – большая редкость в наш железный век, переходящий в каменный, когда повсеместны нравственный упадок и огрубление нравов.

Утверждая упадок нравов и забвение древних установлений, инженiatorы на удивление совпадали с настроениями епископа и присных, однако понимали этот упадок по-другому. По мнению Агерока аут Марейна, «Тарлагинки» означали возобновление и новое раскрытие древних истинных добродетелей. Епископ, напротив, видел в них попытку обойти проклятыми языческими апокрифами единственно верное учение Основоположников.

Старший инженерум объяснил Мелидену, что виденное им «чудо» в действительности является современным переложением древнейшей пьесы, написанной за четыреста с лишним лет до Возвещения Тарлагинова. Но автор, пусть и невольный язычник, был осенён божественной благодатью и явился одним из провозвестников Последнего Пророка, почему его пьеса и сумела сохраниться целых 1800 лет.

– Получается, он за четыреста лет предвидел явление Тарлагина в Октаху? Такой был вещий колдун? – недоверчиво переспросил Мелиден.

– Тарлагин означает «помазанный», как вы должны бы знать, молодой человек, – снисходительно отвечал многосведущий аут Марейн. – Пришествие его неоднократно предсказывалось просветлёнными мужами античности, как-то изложено у святых отцов в...

Далее следовал длинный набор цитат со ссылками на труды благочестивых любителей мудрости, большинство имён которых не говорили Мелидену абсолютно ничего, а об оставшихся он слышал только мельком. Оставалось принимать на веру, признаваясь в своём дремучем невежестве, как ни тяжело это было для самолюбивого молодого человека тридцати одного с лишним годов.

– Не слишком ли давно, 1800 лет назад? Кто упомнит через столько времени? Сколько переписчиков должно было смениться. Если сейчас 4527-й год от сотворения мира, то это две пятых от существования нашей земли? – упорствовал в уязвлённом недоверии молодой человек.

– Похвальное умение так хорошо считать в уме и неожиданное для вашего ремесла, предстатели которого обычно исчисляют, только загибая пальцы на руках и ногах, – похвалил инженер с тем же несносным высокомерием, пробивающимся из-под привычной маски вежливости. – Но «Тарлагианки» засвидетельствованы у многих писателей разных эпох, включая современников самого Тарлагина, да снизойдут на нас его мир и благодать. Сомневаться в подлинности, право же, не стоит, хотя название менялось с ходом времени. Что касается «4527-й года от сотворения мира», в подобную чушь сейчас способны верить лишь в особо тёмных медвежьих углах, вся история которых ограничивается годами трёхстами, не более. В южных языческих странах можно найти величественные царские гробницы одного с указанной датой возраста, надёжно удостоверенного генеалогиями тамошних владык, подкреплёнными авторитетом и наших древних малоардских авторов. Что же получается, Ангурт начал громоздить эти пирамиды из тёсаных глыб семидесяти сажен высоты сразу после изгнания из рая, в одиночку? Не умея даже прикрыть свой срам должным образом? Ведь науки и ремёсла развились далеко не сразу, но по мере ухудшения климатов как божьей кары за непрерывное моральное падение человечества. Только в последнее время появились первые проблески возврата к начальным послерайским временам, которые могут означать скорое второе пришествие Тарлагина.

– Но не будем отвлекаться. Итак, этот 4527-й год придумали первые непросвещённые монахи, пытавшиеся подменить аскетизмом недостаток знания. Попросту сложили несколько сроков, разбросанных здесь и там в Священном Писании, понимая их буквально, промежуток же заполнили доступными им скудными сведениями по хронологии Арды и даже домыслами по аналогии. Однако Священное Писание – не хронологическая таблица, призванная заменить ленивым их собственные изыскания. Цель Священного Писания совсем в другом, и сроки оно упоминает только уместным к случаю образом, отнюдь не исчерпывая всю историю мира, для полного описания которой понадобились бы неисчислимы тома. Оно – общее руководство, а частные приложения господь оставил нашему уму, дабы он не коснел в бездействии...

Под общий смех один из артиллеристов прочитал стишок:

Трави медведя молодой сворой,
И цаплю ястреб пусть терзает рыжепёрый,
И старый конь на племя не годится,
И руки мой не едкою водицей.

Всем сердцем возлюби творца
И мира славь просторы,
На всё проси совет у мудреца
И не вступай с ним в споры.

Чувствуя себя посрамлённым на хронологической стезе, Мелиден – а вместе с ним и наиболее правоверные из артиллеристов – пытался зайти с более удобного бока.

– Отцы церкви учат, что мир – всего лишь наваждение и слабое отражение божественных идей несовершенными людскими чувствами. Потому надо отречься от уз плоти, еще при жизни освободить душу от всех земных наносов, и только тогда она сможет навсегда воспарить в горние выси, в преисполненный света мир изначальных идей. В противном случае душа останется в чистилище и будет перерождаться в новом бытии до окончательного освобождения, а при особо тяжких грехах будет низвергнута в нижние круги ада. Хотя в Мускарте верят, что чистилище – позднейшая выдумка уртадагетских попов, а загрязнённые земным, но не слишком грешные души бродят возле места погребения их прежнего тела, пока не вселятся в новое, необязательно людское (тут есть разные мнения). Впрочем, это неважно. Важно, что плоть –

грешна и мир – узы, в этом сходятся все. Братство Святого Духа, как я слышал, доходит даже до того, что объявило весь мир и людскую плоть захваченными сатаной; на востоке тоже существуют такие взгляды. Как же это совместить с тарлагианками, радующимися на холмах уже в этой жизни? Разве плоть может быть безгрешна и рай следует создавать уже при этой жизни, возвращаясь к первозданности и отрицая земные власти?

– Не отрицая, но исправляя, – вмешался один из замковых стрелков, высокий и костистый, чьё худое лицо было иссечено мелкими шрамами. – Братство в духе означает не уничтожение плоти, но освобождение от сатанинских уз и возврат к чистым радостям бытия, дарованным нам богом. Их опоганившие и есть подлинные поборники Лукавого и должны быть исторгнуты общиной верных, как плевелы из сада божьего.

– Уймись, Иллейс, не забывай, где находишься, – одёрнул его старший инженер.

Мелиден в неловкости устранился из разговора, грозящего выплеснуть потаённое. Меньше всего ему хотелось выглядеть епископским провокатором. Хотя он с большим сомнением относился к свободным толкователям Писания и поборникам святого духа, памятуя близко виденных им медвежских еретиков, но и его уверенность в ортодоксии была давно поколеблена. Зайдя в трясину и на богословском фланге, Мелиден обратился к вопросам более низменным.

– Поразительно, как старший священник святой Йонет не побоялся пойти против воли епископа Брабона. Это же может стоить ему прихода, а то и привести к церковному суду с тяжким обвинением в попустительстве ереси.

– Об этом лучше спрашивай свою пронырливую мастерицу на все руки, когда будешь ублажать её этой ночью, – захохотал мастер арбалетчиков, с привычной бесцеремонностью влезший в диспут подчинённых. – В постели богословие усваивается особенно хорошо. Сладкая оболочка для горько-кислой пилюли, иначе простец может изbleвать, только облизнув. Как она выступала на подмостках, любо-дорого посмотреть. Распустил ты её вконец, даже странно при вашей-то суровой репутации.

– Пусть радуется, пока может и если ей так хочется, – Мелиден поспешил закончить неприятный оборот разговора. – Ей пришлось перенести много тяжёлого в прошлом.

– С Норусом всё понятно, – вернулся к вопросу Даене примирительным тоном, – деньги Сведенов и поддержка прихожан для него важнее недовольства епископа. Тем более, и герцог стал косо смотреть на епископа из-за его чрезмерной лояльности Гетальке. Иными словами, отца Норуса есть кому защитить, это Брабон может лишиться кафедры, а то и головы, если будет слишком упорствовать в утверждении своей эфемерной власти. На западе сейчас творится непотребное, похоже, королю Дерифаду и геталькскому архиепископу скоро будет не до нас. Но об этом говорить преждевременно.

Не признаваться же в этом чужим, но к концу представления и сам Мелиден кипел возмущением по поводу поведения Диан, которая, как оказалось, вела двойную жизнь и занималась чёрт знает чем со скоморохами, пока он нёс службу в Замке. Такие стишки за один день не выучишь; очевидно, что Диан заучивала их долго и втайне от него. Он замечал, что она бормочет что-то вполголоса иногда, но не обращал внимания. Диан была грамотной, кто-то (Сведены?) мог дать ей листки с текстом, но никак не обошлось и без тесного общения с приезжими лицедеями. Однако самым предосудительным было выступление перед толпой посторонних без его предварительного уведомления и разрешения. Какой соблазн так выставить себя напоказ, особенно перед замковой и городской знатью!

Мелиден предвкушал, какую трёпку он задаст непотребной девке, однако сперва пришлось выполнять служебный долг – сопровождать охраняемых лиц до замка и городских особняков. Тем временем его гнев несколько остыл. Действительно, кто он такой, чтобы требовать от Диан полной домашней покорности. Не может даже жениться на ней должным образом,

может только плодить бастардов. И он знал, что она из семьи гистрионов, как тут зовут скорморохов.

Поэтому, добравшись до дома, он ограничился тем, что пообещал переломать ноги Дианиным ухажёрам, если узнает, что она путается с кем-то из актёришек.

– А тебя только твоё положение спасает от порки, дрянь такая. Чем ты и пользуешься без стыда и совести, – попугал он Диан, но без злобности, только порядку ради, что она сразу почувствовала и тут же сгладила ситуацию убедительными объяснениями, переходящими в откровенные ласки:

– Я всего лишь хотела сделать тебе приятную неожиданность. Ты же сам разрешил мне ходить на приходские танцы. Разве тебе было бы лучше, если бы я вела себя как глупая толстая гусыня? Ты же говорил, что не любишь таких. Поэтому я стараюсь, чтобы тебе было со мной не скучно.

С этими словами Диан залезла к Мелидену на колени, обвив рукой за шею с обычной ласковой и немного лукавой улыбкой, всякий раз заставлявшей его млеть. Не устоял он и теперь. Осталось лишь доказывать, что в главном он стоит больше пропойц-словоблудов, неумоим и уже достаточно искусен. Воистину достохвальнее утверждать свои права не угрозами, тем более неубедительными, но наглядным показом неотъемлемых и существенных преимуществ.

Вразумление жён при помощи ременной плети или вожжей в Медвежье, берёзовых или ивовых прутьев во вселенских землях – общепринятый и благословенный церковью обычай, не говоря уже о наказании провинившихся слуг и детей. Понятное исключение делается лишь в случае, если жена богаче или старше мужа, либо происходит из очень значительной семьи. Поэтому Диан воспринимала как должное, что с ней может произойти нечто подобное. Прежде её секли только пару раз, и то собственная мать в детстве по веским причинам. Отец и её прежний любимый муж обладали слишком мягким характером, были для неё друзьями и никогда не поднимали на неё руку. Однако Мелиден был другого склада, от него она сильно зависела, всё ещё недостаточно знала и побаивалась.

По правде говоря, Мелиден пока ни разу не воспользовался этим правом по отношению к какой-либо из своих женщин. Сам он объяснял свою неожиданную терпимость тем, что все они были вдовами с детьми, то есть взрослыми и ответственными, много пережившими. Воспитывать их как пустоголовых малолеток было бы неуместно и бесчестно. Если они вели себя не так, как ему хотелось, то по каким-то своим разумным соображениям, пусть не совпадавшим с его собственными. С ними можно было всё обговорить без того, чтобы в одно ухо вошло, из другого вышло, не задержавшись посередине. Следовало принять как должное, что у них уже сложились свои, без его участия, привычки, занятия и связи. А Мелиден гордился тем, что потомственно справедлив и рассудителен, почти как думный дворянин. Не признаваться же в недостойном слабодушии. Здесь, на чужбине, его некому было укорить в несоблюдении православного домоустройства. Желает прекрасная Диан выступать на подмостках – ну и пусть, лишь бы была довольна и весела и дарила его своей лаской:

Жену напрасно укорив,
Сам пострадаешь ты от собственных угроз.
Когда тебя страшит разрыв
И явной нет вины, к чему пустой допрос?
Не доверяй чужим наветам
И не расспрашивай о том,
Что сам держал бы под секретом.

Глава 5. Злоключения Горниха

Так дни текли счастливо до субботы 2 мая. Мелиден задержался в трапезной – снаружи бушевала внезапно налетевшая из Ложбины буря с ливнем, грозой и молниями. Он предвкушал воскресный труд в Дианином саду и огороде, когда в зал вбежал незнакомый взмыленный гонец в мокром зелёном табарде с вышитым удодам на груди. Его тут же провели к столу маршалов, а вскоре оруженосец передал Мелидену приказ не уходить. Затем гонец уселся поблизости на свободное место и принялся жадно поглощать принесённую слугами пищу, Мелидена же позвали к маршалам для разговора.

Оказалось, что Горних сумел добраться только до Бастейна – ближайшего большого города Озёрного герцогства. Выехав оттуда дальше на восток, он попал в засаду, потерял коня и оруженосца, блуждал по лесу, был ранен в голову и ограблен в какой-то лесной деревне, потерял письма и оружие, смог бежать, добрался до местного рыцаря, порядочного мужа, который переправил его в Бастейн. Власти города послали в Камбенет сообщение о происшедшем. Сам Горних был слишком слаб, чтобы выехать немедленно.

– Добахвалился, сукин сын, что сам чёрт ему не брат, такому ловкому и бывалому, – так выразился о попавшем в передрагу гонце сам конюший Макир оде Ретти-брод, сидевший во главе стола. – Взял с собой только прыщавого юнца, своего родственника. Но мы не можем оставить это просто так. Господин главный маршал поедет расследовать это дело совместно с Озёрным герцогом его светлостью господином Роколлом Гольтес-форт оде Оркелан. Однако придётся послать другого гонца в Озёрный город и далее, с копиями приглашений на июньские состязания и других писем. Мы рассчитываем, что общество арбалетчиков и Городской Совет предоставят для этого своих людей. Однако кто-то должен при предъявлении приглашения представлять и его светлость герцога Аренда Клефтамбера оде Орине. Во всяком случае, при предъявлении графу Шарима – он муж сестры нашего герцога. Будет невместно, если приглашение поступит только от горожан Камбенета, будто его светлость герцог Аренд ни при чём. Вот дальше в Ремиту посланцы Городского Совета могут ехать одни, там нам незачем любезничать. Мы обсудили с господами Каллеве и Даене, кого послать, и они единодушно посоветовали вас, как самого подходящего для данной миссии человека.

– Старый Кри приболел, Туллаг и Жален в дальних разъездах, остаёшься только ты, Меле, – вступил в разговор мастер арбалетчиков. – Ты человек бывалый, дорогу знаешь – уже проехал с опасностью для здоровья, оружием владеешь хорошо и конь у тебя отличный. Мы тебя немного узнали и, кажется, ты заслуживаешь доверия. Возможно, у графа Шарима или его людей будут письма в Камбенет, доставишь их. Для нас недопустимо перепоручать свои дела людям ганзы. Чрезвычайной срочности нет, но лучше не задерживаться, по крайней мере, по дороге туда. Обрати можешь пристать к какой-нибудь компании, если граф Велет оде Шарим-холм в это время пошлёт кого-нибудь на запад налегке. Заодно повезёшь к нему четырёх сменных голубей, о них позаботится оруженосец Ортон Фейбик. В любом случае, пора тебе дополнять и замещать Горниха. Как видишь, мы не можем полагаться только на него на востоке.

При внешней схожести начальственной троицы, в ней существовали и заметные различия. Немногословный Нергайс Каллеве был самым рослым и широкоплечим из всех, в его коротко стриженных волосах, несколько вытертых долгим ношением шлема, седина была почти незаметна. Напротив, конюший, только немного старше возрастом, совсем поседел – видимо, жизнь его изрядно побила. И выражался он значительно витиеватее и официальнее, хотя тоже иногда срывался на казарменный тон. Ну а с рыжим и тощим арбалетчиком Гентом Мелиден уже хорошо познакомился. Громила, старец и рыжий – три его главных нынешних начальника и покровителя.

– Хорошо, когда мне выезжать? – ответил Мелиден без обычных для здешних придворных церемоний; ему это прощалось, как беглому из-за восточного кордона. – Наверное, должны успеть написать новые письма?

– До понедельника копии точно не сделают и посланника от общества не подберут. Поэтому иди отдыхай, а в понедельник явишься к господину главному маршалу, пока будешь в его прямом подчинении, – приказал конюший, как старший по рангу. – От Озёрного города до Шарим-холма поедешь сам с Фейбиком. На обратном пути постарайтесь найти господина Нергайса между Озёрным и Бастейном, возможно, вы ему понадобится. Конечно, если не будет особо срочной почты из Шарим-холма.

– Всё понял. Постараюсь всё выполнить должным образом.

В понедельник, конечно же, выехать не успели. Замковый отряд собрался быстро – десяток конных копейщиков, десяток конных арбалетчиков, главный маршал с личным оруженосцем и пажом – белобрысым мальчуганом лет двенадцати, при них Мелиден и Ортон Фейбик. Задержка была из-за города – никто не желал работать в божий выходной день воскресенье, копии писем-приглашений писцы Городского Зала накарябали только к полудню вторника, выговорив двойную плату за срочность.

Справедливости ради, данные документы, приглашавшие и убеждавшие почтенных и мудрых членов гильдий ограждённых стенами городов принять участие ради дружбы и чести в нашей очень благородной, любимой, изысканной, любезной, приятной, добродетельной и очень рекомендуемой арбалетной игре, были составлены изысканным почерком в весьма кудрявых выражениях:

Учитывая, что священные писания говорят и свидетельствуют о том, что лень является матерью всех пороков и вредит всем добродетелям, и что все человеческие существа должны бежать от неё и занимать себя добрыми делами так, чтобы сатана не находил человечество праздным и чтобы они были хорошо заняты тем, что может быть сделано должным образом и причинит мало или совсем не причинит вреда, но возрадует всех величайшим образом, и чтобы таким образом люди захотели бы занимать себя в соответствии со своими различающимися наклонностями, когда некоторые наслаждаются одной деятельностью, а другие другой.

Далее, впрочем, шли конкретные указания на желательный день торжественного въезда, условия состязаний, компенсации и призы.

Нелегко было найти и подходящего посланника от общества арбалетчиков. Многие ганзейские купцы и приказчики уже уехали с летними обозами, оставшиеся не хотели отрываться от своих товаров, конторские же сидельцы просто не годились для быстрых путешествий. Цеховые мастера нигде не бывали, ездить верхом не умели и рылом не вышли для представительских целей. Мешали и трения в городской верхушке – Сведены, сильнейший из ганзейских родов, были вроде бы в основном на месте, но именно они в обществе арбалетчиков не состояли и соперничали с его главой Маэлем Длинным из рода Диревено.

Наконец, Маэль отловил и запряг своего двоюродного племянника Савона, красивого самоуверенного юнца лет двадцати с завитыми длинными светлыми волосами, щеголявшего в кафтане из узорчатой парчи с широкими рукавами. Тот был недоволен поручением, но не нашёл повода и мужества отказаться. В помощь ему дали двух конных слуг, вооружённых арбалетами с «козьей ногой» – сноровистого бывалого дядю лет за сорок и долговязого юношу с угреватым лицом.

Всё это время Мелиден таскался по пятам за одноглазым Нергайсом, который с проклятиями пытался ускорить городских слизняков. Во вторник собрались, когда выезжать было слишком поздно. Поэтому выехали ранним утром в среду 6 мая, в третью послеполуночную стражу.

В качестве заводного при Мелидене и Ортоне бежал медвежский ветеран Бурка. Мелиден добился от замкового казначея его оплаты, как полагавшейся срочному гонцу запасной лошади. Хотя Диан на него дулась, что забирают её кормильца на рискованное дело. Ему выдали погонные деньги и сумку с письмами – как копиями утерянных, так и новыми.

Приглашения от общества арбалетчиков вёз Савон Диревено. Этот молодчик всячески демонстрировал высокомерную неприязнь к Мелидену, что тот столь же презрительно игнорировал. Он – человек самого главного маршала, носитель боярского пояса (пусть краденого), что ему какой-то младший родственник ганзейского купчишки.

Ехали резвой рысью без разговоров; лошадей приходилось кормить овсом из торб, трава еле-еле пробивалась, на деревьях только начали распускаться первые листочки. Судя по размеру отряда, проводить расследование главный маршал собирался деятельно. Однако нападение на гонца произошло в чужих землях, поэтому сначала надлежало заручиться согласием и поддержкой властей Бастейна и самого герцога. Впрочем, одноглазый Нергайс не сомневался в успехе – озёрные герцоги традиционные друзья и союзники Орины, и их нынешний наследник помолвлен с одной из дочерей камбенетского герцога Аренда. Старший сын озёрного герцога трагически погиб в начале прошлого года – сломал шею, упав с лошади в овраг во время охоты.

Действительно, в Бастейне отряд встретил тёплый приём. Церемонно раскланявшись с городскими советниками и заверив друг друга во всяческой вечной дружбе и взаимопомощи, главный маршал с приклееным Мелиденом поспешили в местный госпиталь к Горниху.

Госпиталь представлял собой обширный общий зал с белёными каменными стенами и сводчатым деревянным потолком, с рядами кроватей по бокам, на некоторых из которых помещались сразу по двое. Камин не топили и было довольно холодно; Впрочем, больных прикрывали основательные одеяла, а их головы согревали белые шапочки. Обслуживали госпиталь монахини, с головы до пят скрытые просторными коричневыми одеяниями, из которых виднелись только немолодые лица и кисти рук.

Горних не до конца еще оправился, но смог связно изложить суть произошедшего. Госпиталь его тяготил и маршал пообещал взять его с собой, посадив налегке на запасную лошадь.

Согласно его рассказу, до Бастейна он в сопровождении своего 18-летнего двоюродного брата Эде Овейна добрался благополучно. Как заведено, гонцы – подобно всем другим цехам и обществам – предпочитают подбирать помощников и преемников из числа родственников, зятьёв и сватьёв, лучше своих, в крайнем случае – собратьев по цеху. Далеко не всегда этот обычай оказывается к благу.

В Бастейне Горних должным образом вручил приглашение на состязание арбалетчиков. Там уже знали об этом мероприятии, не сомневались в своём приглашении, однако всё равно обрадовались получить его в виде красивой грамоты. По обычаю, после взаимных приветствий и заверений местная гильдия арбалетчиков устроила пир в честь камбенетского посланника – поздний обед, скорее являющийся плотным ужином. Было это 27 апреля, то есть одиннадцать дней назад.

Следующим утром Горних с Эде отправились по лесной дороге на восток в приподнятом настроении, пива гостеприимные хозяева не жалели, погода установилась чудесная. Из эйфории Горниха вывели два арбалетных болта, ударившихся в грудь. К счастью, злоумышленники целились не в коня, которого считали своей будущей добычей, а во всадника. Под бордово-серым табардом Горниха таилась прочная кираса, какими славится Камбенет, арбалеты же злодеев были лёгкими конными или охотничьими. Поэтому Горних отделался двумя небольшими вмятинами. Увы, его спутник Эде, одетый только в стёганку, был менее счастлив и свалился с коня бездыханным.

Горних попытался развернуться и спастись бегством, но сзади на дорогу выехали двое латных всадников в шлемах с глухими забралами и опустили копыта наперевес. У гонца не оставалось выхода, кроме как броситься вбок, в чащу. Латники – очевидно рыцарь с оруженосцем – помчались за ним следом, вскоре к ним присоединились вскочившие на спрятанных коней арбалетчики. Сначала иноходец Горниха уверенно держал расстояние от преследователей, хотя ветки немилосердно хлестали наездника по лицу. Однако лес становился всё гуще и превратился в непроходимый бурелом, преследователи же были за плечами. Они знали эту местность лучше. Горниху пришлось спешно бросить коня с притороченным к седлу арбалетом и бежать дальше пешком.

На удачу, неожиданно пошёл дождь и беглецу удалось оторваться. Но эта же мгла скрыла солнце и Горних заблудился в незнакомых местах. До самого вечера он пробирался по лесу, надеясь выйти на северо-восток, пока обессиленный и насквозь промокший не наткнулся на деревушку из убогих хижин. Спасаясь от дождя, он забрался в сарай на окраине, чтобы переночевать и с рассветом отправиться дальше.

Очнулся он перед рассветом, голова страшно болела, снятые шлем, кираса, гамбезон, сапоги, пояс с мечом и кинжалом и, главное, сумка с письмами исчезли. Ночью кто-то сумел незаметно подобраться и ударить его по голове, скорее всего камнем или дубинкой. В полубредовом состоянии Горних сумел как-то выбраться из сарая и побрёл на восток, торопясь уйти подальше от разбойничьей деревни, пока не пришли хоронить или добивать. За опушкой леса он увидел небольшой замок и сумел кое-как объяснить хозяину, кто он и что с ним произошло. Тот оказался хорошим человеком, утром следующего дня Горниха уложили на телегу и отправили в Бастейн. Продолжить путь оттуда Горних уже не мог, слишком ослабел. Его поместили в госпиталь, а в Камбенет местные власти отправили своего человека.

Да, служба герцогского гонца престижна и денежна, интересна и богата приключениями, но до старости они доживают редко. Закон их особо охраняет, но чем дальше от Орины, тем меньше уважения к табарду оринского герцога и больше соблазн добыть коня и оружие одинокого всадника, который не может позволить себе присоединиться к охраняемому, но слишком медленному обозу или конвою.

Власти Бастейна оказались не в состоянии сказать что-либо определённое по поводу того, кто именно мог напасть на Горниха. Пообещали только проследить, не объявятся ли похожие по приметам кони. Было известно, что здешние обширные леса небезопасны, и это следовало принимать как должное. Порой здесь пропадали мелкие купцы, рискнувшие отправиться в путь в одиночку, иногда обирали путников. Чаще этим занимались разбойники из крестьян в свободное от сельских работ время, изредка баловались и малоимущие рыцари. Однако давно уже не было подготовленных засад на людей в герцогских цветах, начинавшихся сразу с попытки убить.

Нергайс Каллеве ожидал чего-то подобного. Он оставил сводный десяток прочёсывать придорожные леса вместе со стражниками Бастейна в надежде отыскать если не след засады – прошло слишком много времени – то хотя бы место захоронения Эде Овейна. Сам же с остальным отрядом поспешил к Озёрному городу. Там он вместе с Горнихом, как свидетелем и жертвой нападения, намеревался подать формальную жалобу герцогу Роколлу, а затем вместе с его людьми направиться на настоящие розыски.

И без того худой Горних еще более осунулся. Обычно уверенный в себе и напористый, он был подавлен своей неудачей. У него всё еще болела голова, глаза лихорадочно блестели, тем не менее, он горел желанием найти и покарать обидчиков, а при удаче вернуть похищенные вещи и письма.

Интересно было по-новому проехать по дороге, с которой Мелиден познакомился в прошлом августе в обратном направлении. Но теперь он не старался незаметно проскользнуть

в обход городов и замков, а проезжал их при полном параде. Цепкий взгляд отыскивал замеченные когда-то приметы. Было прохладно, но не холодно, на деревьях распускались почки, на опушке появились первые мелкие цветы, повсюду раздавался птичий щебет. Прекрасное время, однако маршал Нергайс был хмур и молчалив, и отряд двигался без остановки. Мелиден тоже не отличался многословием и замкнутость начальника его нисколько не удручала.

На обед остановились в хорошо укрепленном городе святой Вальжины, образовавшемся вокруг крупного монастыря, но давно уже добившемся самоуправления. Монастырь действовал и сейчас, однако камбенетцам нужны были городской мастер и местная гильдия арбалетчиков – ей также надлежало вручить приглашение. Гостеприимные горожане сокрушались, что не успевают устроить надлежаще пышный приём; они тоже знали о предстоящем состязании, но не имели твёрдой уверенности в приглашении и потому возвеселились, когда оно всё-таки прибыло. Однако главный маршал был неумолим: после званого обеда отряд снова резво поскакал, чтобы успеть в Озёрный город до темноты.

Мелиден испытывал сожаление, что не может свернуть налево в полюбившийся ему в прошлом году рыбацкий посёлок Стирскол, но командовал не он. Поэтому вечером проехали прямо к мосту через Софрену. Оруженосец Нергайса развернул и торжественно поднял его знамя – бордовое с серой цаплей и маршальской серебряной бахромой по зубчатому краю. Мостовые стражи в чёрно-рыжих наискосок табардах приветствовали отряд, стучая о доски мостового настила алебардами, а выбежавший начальник снял шлем, когда разговаривал с оринским командиром. По всей видимости, тот был ему известен.

Глава 6. Озёрный город

Перед самым закатом въехали в Озёрный город через юго-западные ворота, предсказуемо именовавшиеся Камбенетскими. Они располагались между двумя пузатыми башнями по древнему малоардскому обычаю; ныне ворота предпочитают размещать внутри одной большой башни. Отряд приветливо встретили и разместили в длинном приземистом здании в глубине обширного города – гарнизонном строении озёрного герцога. А поздно вечером Мелиден имел возможность увидеть и самого здешнего властителя, устроившего торжественный приём в честь высокопоставленного гостя. Стоя поодаль вместе с другими свитскими, он наблюдал, как герцог и старший маршал пожали руки и затем обнялись в ритуальном приветствии.

Герцог Роколл Гольтес-форт оде Оркелан оказался грузным темноволосым мужчиной лет за сорок с пробивающейся сединой на висках и в усах. Одежанием ему служила алая клетчатая стёганка из довольно дешёвого сукна (многократно имевший дело с ганзейцами Мелиден научился различать его основные виды). На полном красноватом лице выделялся нос с горбинкой от старого перелома. Герцог походил скорее на мелкого барона из захолустья, но речь имел разумную, а манеры весьма сдержанные и полные достоинства. Воистину, внешность бывает обманчива.

Затем состоялся званый ужин – свите поставили отдельный стол в стороне. Разоружать никого не стали, и Мелидена порадовала благородная простота здешних нравов. Еда была обильная и безыскусная, как вся здешняя жизнь: ржаной хлеб заменял отвратную камбенетскую овсянку, на него клали просоленное свиное сало, редкое в Камбенете, но в первую очередь здешнюю кухню отличало обилие пресноводной рыбы. Как всегда, рекой лилось пиво, приносимое в больших бадьях. Поэтому спать Мелиден завалился сытый и пьяный.

На следующий день маршал с участием Горниха обсуждали свои дела с герцогом, а Савон Диревено готовился к торжественному пиру с местной гильдией арбалетчиков (обеда у средиземцев устраиваются значительно позднее, чем в Медвежье), Мелиден же начал обход Озёрного города, оказавшегося неожиданно большим. Его близость к маршалу, форменная ливрея и богатое снаряжение внушали должное доверие, и ему даже удалось разговориться с начальником городской стражи, господином Мирославом Соттоном (это старинное значащее имя, так напоминающее медвежские, весьма его порадовало), невысоким темноволосым мужем средних лет с умным подвижным лицом. Побывав ранее в довольно неказистом герцогском дворце, он прошёлся по городским стенам, посмотрел рынок и порт.

С верхней точки – пологого холма, на вершине которого воздвигнут главный городской собор святого Савона, а на склонах располагаются герцогский дворец, церкви поменьше и дома лучших людей – город напоминает пятиугольник домиком. Горб вдаётся в озеро, короткие бока защищают реки, а с юга тянется длинная, больше двух миль, каменная стена. В прошлом августе, спеша подалее проехать на запад, Мелиден видел её с тракта только издали. Вблизи она разочаровывала ещё сильнее, чем камбенетская. Построили её более двухсот лет назад, высота простенков составляет две с половиной сажени, башен – четыре-пять сажени, толщина менее сажени. Грубая каменная кладка оказалась лишь внешней и внутренней облицовкой, внутри которой насыпан почти не скреплённый битый камень. Подобным образом сделаны почти все средиземские крепости и замки, кроме немногих новейших на самом западе. Очевидно, такое укрепление не могло бы долго противостоять не только новомодным пушкам, но даже большим деревянным пращамётам. Пристенный ров тоже не впечатлял шириной и глубиной, но был хотя бы заполнен водой.

Теперь Мелиден по-новому вспоминал только что построенный висагетский кремль из крупного закалённого кирпича на качественном растворе с поистине циклопическим рвом

вокруг. Он не имел равного себе даже в Средиземье, а для медвежцев являлся подлинным скачком вперёд.

С приречных запада и востока стены Озёрного города еще ниже, меньше двух сажен, над которыми поднимается деревянный палисад. Со стороны Срединного озера стены такие же или вовсе отсутствуют, чтобы не мешать лодочникам. Впрочем, восточная стена воздвигнута на крутом обрыве, а западная защищена топью, обрамляющей правый малый рукав Софрены. Эти два рукава, большой левый и малый правый, образуют изрядный остров в устье реки. Мелиден спросил, почему же город устроили не на удобном для обороны острове, как обычно делают, а восточнее. Начальник стражи объяснил, что остров по большей части заливают водой во время бурного весеннего половодья – сейчас как раз такой период. Река тут поднимается больше, чем на сажень. Сухим остаётся лишь небольшой лесистый участок, который герцоги издавна даровали малой монашеской общине с принадлежащей ей рыбацкой деревней.

Таким образом, условия местности потребовали построить вокруг Озёрного города непомерно длинные стены – намного длиннее камбенетских, несмотря на половинное население: более 36 тысяч в нынешнем Камбенете и 18 тысяч в Оркелане. В древние времена народу было еще меньше, поэтому укрепления приходилось делать скромными. Однако предназначались они не против сильных армий с осадными машинами, а против местных дикарей-бойцов. Здесь когда-то располагались их главное городище и капище, где погань хранила сушёные головы убитых врагов и в праздничные дни поедала их сердце и печень. Дикарей истребили и прогнали в основном еще до постройки стены, для которой широко использовали пленных, но они несколько поколений пытались прорваться к родным местам. Хотя это давняя история, лет сто пятьдесят как от них остались только малые шайки у Полуденного хребта.

Как бы там ни было, у здешних горожан места за стенами с запасом, в противоположность Камбенету. Поэтому внутри Озёрный город привольной застройкой с немощёными грязными улицами и дворами напоминает большое село. Дома преобладают деревянные или из дранки, обмазанной глиной, крыши зачастую соломенные. Однако многие имеют каменный полуподвальный этаж или хотя бы фундамент, каменные печи с трубами. По-чёрному тут никто не топит, что уже хорошо.

Ремесло здесь также напоминает деревенское – многочисленные мастера удовлетворяют все главные нужды, но простыми вещами без изысков: обычные ткачи, кузнецы, плотники, горшечники и кожевники. Таких больших и искусных артелей, да еще с водяными машинами, как в Камбенете, здесь нет. Но в Озёрном городе почти всё своё, тогда как в Камбенете без торговли не прожить. И купцы здесь многочисленные, но малосильные и простоватые, не чета выжигам из Орины. Постоянно беря в долг у камбенетцев, местное отделение ганзы превратилось в почти их приказчиков. Действительно, своего товара для Медвежья у местных мало, оборотных средств тоже, приходится обращаться к камбенетцам, которые держат в своих руках выход в богатое Приморье.

Очень важную роль играет порт: множество плоскодонных лодок и плотов не только ловят рыбу и торгуют по озеру и впадающим в него рекам, как главным дорогам, но и снабжают город камнем с мелких скалистых островов, глиной и лесом. Если в Камбенете преступников отправляют на герцогские железные рудники, то здесь на островные каменоломни. Земля у озера тоже неплохая, особенно к востоку – похуже Пятиграфья, но много лучше северной Орины.

Наконец, и с герцогом Роколлом озёрцам повезло. Он справедлив, умерен и нежаден, дружит с соседями, следует старым правдам. Тяжёлый удар нанесла ему нелепая гибель старшего сына, но и средний Карент обещает вырасти красавцем и храбрым воином, тогда как младший Раскат пойдёт по духовной стезе, наверное.

Между тем, в не столь далёком прошлом было не так – жители страдали от постоянных междоусобиц и нападений погани, от обложения тяжкими податями, особенно замковой

и пивной. Облегчение наступило только при деде нынешнего герцога и основателе династии Макуре Везучем, изгнанном младшем сыне тогдашнего геталькского короля. За своё долгое удачливое правление он навёл порядок и затем снизил налоги, оступившись только в самом конце жизни, первый и последний раз: сорок лет назад пошёл походом на северных горцев, чтобы пересчитать и обложить данью их овец ради справедливости ко всем. Но был разгромлен и погиб с почти всем войском. С горцами потом помирились, но налогов они так и не платят, да и остальные как-то воздерживаются тоже.

Ещё в Озёрном городе очень много церквей – много больше, чем в Камбенете, где паства издавна жёстко поделена между ограниченным числом старых приходов, а новые общины должны довольствоваться часовнями. Тут с этим свободнее: кто хочет и может, тот и строит. Епископ Эвтиган, двоюродный дядя герцога, в Гетальку почти не ездит, десятину туда не платит, к своим людям относится снисходительно. Церкви убогие по сравнению с Камбенетом, где их в изобилии украшают хитрая каменная резьба, статуи и витражи, но в строгой простоте есть своя красота. К тому же безыскусность озёрские верующие восполняют высокими башнями со шпилями, придающими городу особый колорит. Здесь на высоту нет ограничений в отличие от Камбенета, где на всё надо испрашивать разрешение Городского Совета и совета каноников при епископе. В Озёрном же городе и городской мастер назначается герцогом, тогда как Городской Совет имеет лишь ограниченные права по сугубо местным делам.

В целом город Мелидену понравился своим спокойствием, простотой, изобилием без излишеств, дружелюбием и открытостью жителей. В чём-то он напомнил Медвежье, но его лучшие стороны без худших. Герцог здесь обращается со своими людьми по-отечески, церковным изуверам тоже не даёт разгуляться сверх меры. Разве что средиземский язык озёрцы коверкают ужасно. Однако объясняться с этими душевными людьми можно хоть на пальцах, никто не обидится.

Вот только разбойники в лесах и горах делают проезд не везде безопасным. На севере местные лучники с собаками в основном справляются, но на юге хитрые и злобные бойоны – постоянная головная боль. Сил на большие дела у них давно нет, но мелкие банды пролезают, как змеи, и творят пакости – убивают и уводят в плен селян, жгут их дома, устраивают засады на малых дорогах. Особенно зимой и ранней весной, когда трудно действовать конным отрядам.

На большой поход у герцога Роколла не хватает сил, а от дружественных соседей помощи озёрцам – как от козла молока. В первую очередь, конечно, от старшего брата, главного друга и союзника богатого и могучего герцога Аренда Клефтамбера и первостатейных ганзейских кровососов Камбенета и всей северной Орины (не будем забывать семейство Даго из Зеста). От этих неявных упрёков Мелиден мог оправдаться только постоянной озабоченностью его светлости герцога Аренда западными делами и королём Дерифадом, от которых он грудью заслоняет простодушных восточных сородичей. Поскольку за Ложбиной такие гады, рядом с которыми дикие бойоны – мелкие комары.

Ещё местная гордость и предмет вывоза – большие сторожевые и охотничьи собаки. Их постоянное рычание и облаивание было, пожалуй, единственным, что омрачало хождения Мелидена по Озёрному городу. Свою с Диан пару питомцев он вспоминал с умилением как несравненно более любезную и разумную.

Также смущали коричневатые блестящие змеи, живущие прямо в домах. Эти полозы неядовиты и умело ловят мышей и крыс, за что пользуются почётом у местных жителей, защищающих их от собак. Бытует даже верование, что священные змеи, завезённые еще в имперские времена, спасают город от чумы. Но у непривычного Мелидена они вызывали неприязнь, как и изобилие ужей, недавно вылезших из зимних убежищ и греющихся на солнце у озера, ползающих по садам и огородам в поисках лягушек при попустительстве здешних обывателей. В Камбенете такой терпимости к гадам не наблюдалось.

А по городу Мелиден шатался не просто так – следовало разнести письма от клерков герцога Аренда, церковников и купцов озёрным адресатам, с учётом потери отправленных с Горнихом. Герцогским гонцам письма из города передавал особый писарь Городского Совета, которому поручались их сбор и регистрация. Помимо Озёрного города, пришлось Мелидену выезжать и в некоторые близлежащие замки и монастыри. Эту обязанность он охотно брал на себя, не перепоручая местным, разве что спрашивая у них о дороге. Не только для большей надёжности, но прежде всего из желания повидать новые места и получить удовольствие от быстрой езды на своём прекрасном вороном жеребце под восхищённые взгляды окружающих.

Маршал с Горнихом уже утром 11-го отправились ловить своих разбойников в сопровождении озёрных дружинников и егерей, Савон Диревено праздновал встречу с озёрной гильдией арбалетчиков и без спешки выполнял поручения собственного ганзейского семейства – другие ганзейцы предпочитали использовать нейтральную герцогскую почту, если не имели возможности послать своих доверенных людей. Поэтому в Шарим-холм отбыли только 13-го, и то в полдень.

Неспешность, которая при других обстоятельствах была бы большим свинством, оправдывалась появлением в Озёрном городе гонца из Иннедригана, которому в числе прочего было поручено узнать, стоит ли ожидать приглашение на камбенетский турнир арбалетчиков. Савон Диревено показал и зачитал ему соответствующую грамоту в подтверждение, и ремитский гонец смог уехать обратно.

Хотя божьей кары за опоздание избежать не удалось: вскоре после отбытия на пятёрых камбенетских посланцев обрушился сильнейший ливень с пронзительным ветром, грозой и молниями, промочивший их насквозь. Изрядно замёрзшие, они устремились вперёд и въехали в крупный посёлок у тракта, окружённый частоколом; слева на холме возвышались башни большого баронского замка. Было это всего в десяти милях от Озёрного города или немногим далее. Тотчас они вошли в постоянный двор, уже полный народом, укрывавшимся от дождя. Летний торговый сезон только что начался.

Глава 7. Барон-философ Моривено

Как обычно, Мелиден окинул собравшихся цепким, неуступчивым взглядом. Этот взгляд, в сочетании с бесстрастным выражением лица, резкими и точными движениями, воспринимался окружающими как несущий скрытую угрозу и даже вызов, но так он привык вести себя за многие годы. Иного, впрочем, и не ожидалось от человека в латах и цветастом герцогском табарде, с длинным мечом на богатом поясе, при подобном наряде не подобало вести себя иначе. Каждый должен соответствовать своей небесной универсалии, и обликом, и поведением; не соответствующий нарушает установленный свыше порядок и должен быть извергнут. Тем временем еще более наглый, но по-своему, Савон Диревено подошёл к владельцу в сопровождении двух вооружённых слуг и повелительно потребовал очистить для них место у камина и предоставить горячее пиво – испытанное предохраняющее средство от простуды.

Собравшиеся в зале были сплошь простолюдины, в основном мелкие купцы и возчики; угрюмые и недовольные, они молча отошли от большого очага, где поставили два грубых табурета для знатных пришельцев с запада. Мелиден и Савон принялись сушиться у огня прямо как были. Отношения между ними несколько сгладились за время путешествия, так как делить было особо нечего, каждый занимался своими делами. Более того, они взаимно придавали друг другу важности в глазах окружающих, и сознавали это – видный герцогский воин и представитель второго из родов ганзы с официальным поручением. Пожалуй, казались они даже значительнее, чем были на самом деле.

В тёмном зале с закопчённым от факелов потолком стояли грубые столы и скамьи, пол устилало свежее сено, стены украшали первые цветы и рогатые головы оленей и козлов. Обычный вид для полусела-полугорода. Когда Мелиден и Савон немного подсохли и успокоились, между ними всё-таки начался спор. Савон Диревено предпочитал отправиться в гости в соседний замок, где и переночевать с удобством, а в Шарим-холм выехать на рассвете следующего дня, до него оставался как раз один конный переход. Мелиден же хотел ехать дальше, чтобы добраться до Шарима пусть завтра, но днём, а не вечером.

– И так опаздываем, – говорил он, – как бы герцогские голуби не подошли от холода.

– Ничего с ними не сделается, – спорил Савон, – они и не к такому привыкли. А удастся ли найти подходящий ночлег где-то дальше – неизвестно.

Пришлось подбросить монету, выявляя божью волю – вышло остаться, и по приказу Савона старший из его слуг отправился в замок спросить, не согласится ли его высокоуважаемый держатель принять их на ночлег и составить им общество на вечер.

Отказывать таким просьбам, исходящим от сколько-то заметных особ, в Средиземье считается крайне предосудительным. Владельцу замка выпадает редкий случай узнать о происходящем в мире, не подвергая себя чрезмерным расходам, а свою честь и здоровье – риску претерпеть ущерб. Потому вскоре вернувшийся слуга Ангрет и замковый человек объявили, что барон Нергайс оде Моривено примет гостей.

– Вам оказана большая честь, – сказал замковый посыльный, одетый в длиннополую красную ливрею, – господин давно уже не принимает никого, кроме ближайших знакомцев.

Вскоре посланники прошли через опускной мост и сдвоенную воротную башню в замок. Пятиугольный воротный проём защищался тяжёлой кованой решёткой, которая сейчас была поднята на высоту сажени полторы. Над воротами обращали на себя внимание солнечные часы из светлого просмолённого дерева с тонкой разметкой – здешний хозяин был не так прост.

Замок находится на невысоком холме, отчасти насыпанном. С юго-восточного изгиба его защищает небольшая река Моривена, круто подмывшая здесь склон; именно с этой наиболее безопасной стороны находятся основные жилые и хозяйственные строения, к которым ведёт короткая мощёная неровными плитами дорожка от южной воротной башни. Северо-запад-

ную слабую сторону прикрывают две огромные двенадцатигранные многоэтажные башни, одна высотой больше двадцати саженей, другая даже двадцать три. Так как они начинаются с разной высоты, верхушки оказываются на одном уровне. Куртины (у медвежцев их называют пряслами или простенками) всего четырёх с половиной саженей высоты.

Во дворе Мелиден с любопытством рассмотрел огромный пращёмёт, взводимый двумя беличьими колёсами. Довольно старый, судя по серому рассохшемуся дереву. Охраняли ворота солдаты в старомодных кольчугах с шипастыми дисками-наплечниками, длинных красных сюрко и закрытых бацинетах, оставлявших только Т-образную щель для рта, носа и глаз, с мечами и луновидными топорами на длинных древках.

Слезли с лошадей, принятых конюхами, и Савон Диревено первым устремился приветствовать хозяина, показавшегося на крыльце.

– Злосчастный барон Моривено, – вполголоса произнёс Ангрет, сокрушенно покачав головой, пока Мелиден со слугами наблюдали с расстояния за церемонными поклонами и заверениями ганзейского патриция.

– Что же в нём злосчастного, – недоумённо спросил Мелиден, – замок почти как у графа, и сам здоровенный детина. – Он был удивлён поведением Ангрета, многоопытного бывшего солдата, обычно сдержанного и довольно циничного.

– Он был доблестный воин, поэт и любимец дам, но получил увечье на последней войне в неудобосказуемом месте. И это не единственное его несчастье, слишком долго было бы рассказывать. Будьте с ним осторожнее и деликатнее.

– Крест честной, ты уж мне расскажи при первом удобном случае, будь так добр, – свирепея, процедил Мелиден сквозь сжатые зубы, – а то буду здесь как дурак, не знающий, куда попал. Вы-то, похоже, знали, к кому тянете в гости.

Однако ему пришлось изобразить на лице почтительную полуулыбку и самому двинуться навстречу хозяину, приметившему бордово-серый табард и латы Мелидена и изъявившему желание познакомиться с ним особо. Поэтому поклонились слегка, пожали друг другу руки, назвали и обменялись приветствиями, как принято. Барон Моривено был рослый, широкоплечий мужчина с бледным и костистым угрюмым лицом. Кажущиеся слегка сутулыми плечи выдавали большой навык в махании тяжёлыми предметами, вблизи барон оказался старше, чем представлялось издали, хотя в тёмных стриженных в скобку ниже ушей волосах почти не было седины.

Одет он был просто, в недорогое тёмное сукно и кожу. Обращало на себя внимание его единственное украшение, золотая звезда с дубовыми листьями снизу, подвешенная на шейной цепи – знак особого отличия в бою, даруемый королями и герцогами. За меньшие отличия даровалась звезда серебряная, а простым воинам – бронзовая. Таким образом подтверждалось, что данный муж приблизился к небесному идеалу.

Пятиконечная звезда, как известно, является вневещественной универсалией человека в мире горних идей. Её можно найти в центре церковных шетоксов, признаке сана при торжественных выходах – маленькая звёздочка у приходского священника, средняя у епископа и большая у архиепископа либо митрополита.

Мелиден почувствовал невольную симпатию к хозяину. «Наверное, и я буду так выглядеть, когда выйду из употребления» – подумалось ему.

Ни мудрость, честь, ни сила слова,
Ни яркость облика мужского,
Увы, не вечны, как не вечно тело.
И плачет горько тот знаток,

Что оценить утрату смог...

Гостям выделили комнаты в хозяйском доме, расторопные слуги помогли им разоблачиться и, пока готовился обед, Мелиден вытянул необходимые разъяснения из Ангрета и встретившего его замкового дворецкого, тощего и лысого малого с суетливыми движениями.

Оказалось, что барон, женившись и обзаведшись потомством, лет на двадцать отправился в Приморье, где блистал на турнирах воинских и поэтических, породив, по слухам, множество ублюдков. Дома он бывал редко, завезя немалое количество книг – удивительное дело для здешних простоватых краёв. Жена его, слабая здоровьем баронесса, умерла во время очередных родов, некоторые из младенцев тоже, но крепкий сын и двое выданных замуж дочерей остались, так что барон мог не заботиться о дальнейшем продолжении рода.

Однако четыре года назад ему не посчастливилось присоединиться к герцогу Аренду Оринскому во время войны того с королём Дерифадом, вместе с прочими союзными озёрно-земельскими рыцарями. Увы, общую ошибку с многочисленными и искушёнными рыцарями королевского герцогства Тиуда они проиграли. Положение спасла оцетинившаяся пиками и гизармами, плюющаяся из мощных арбалетов камбенетская пешая милиция, выдавившая врага из Лощины.

Но барону Моривено было мало радости от этого – сильный удар вражеского копья пробил боковину передней луки его седла и поразил в пах. Удар подлый, но применяющийся бесчестными умельцами, так как у всадника лапы ослаблены в этом месте. Что еще хуже, его сын и наследник был сбит с коня в той же битве, тяжело пострадал от копыт тяжеловозов в общей толкучке и, так как поле боя осталось за неприятелем, добит. Враги не пожелали возиться с раненым из отдалённого Озёрного герцогства.

К моменту битвы барону уже минуло 50 лет, но он находился в полной силе, что не редкость для людей воздержанных, постоянно упражняющихся и радующихся жизни. Гибель наследника и позорная рана, не позволяющая снова продолжить род и общаться с девицами привычным образом, надломили его. Он вернулся в своё имение и с тех пор жил уединённо, предаваясь книгочейству и сочинительству, никуда не выезжая и никого не принимая, только время от времени обмениваясь книгами с немногими знакомыми эрудитами или заказывая их в монастырях.

Ребёнок погибшего сына умер в младенчестве, его вдова до сих пор не вышла замуж снова и жила в баронском замке, заведая хозяйством. Мелиден видел её за обедом – довольно красивая худая женщина с выщипанными в тонкие полоски бровями, белоснежным узким лицом и длинной чёрной косой, свёрнутой венцом на затылке под полупрозрачной косынкой. Две дочери жили в замках зятьёв, с нетерпением дожидаящихся, когда же им выпадет наследство.

Действительно, радостного мало. Замок, кстати, был даже старше, чем стены Озёрного города, но две огромные башни воздвигли при деде нынешнего барона, Колкайсе Строгом. Закончили их как раз в год рождения нынешнего барона, а строили целых тридцать лет. Стоит же замок на месте языческого укрепления, захваченного пришельцами с запада пять с половиной веков назад.

Во время надолго затянувшегося обеда, поданного на тяжеловесном тёмном столе, покрытом льняной расшитой узорами скатертью, хозяин с вдовой сына сидели рядом в резных деревянных креслах с прямой спинкой. На противоположной скамье расположились Мелиден Варсин напротив барона и Савон Диревено напротив дамы со слугами-оруженосцами по бокам. Еда была простая и обильная, как принято в этих краях.

Сначала вниманием барона пытался завладеть молодой и самоуверенный Савон, очевидно пытающийся втереться в ряды знати. Но быстро выяснилось, что он мало в чём разбира-

ется, кроме сугубо ганзейских дел, особенно цен на наряды и безделушки, а также сомнительных придворных слухов, и то узанных через третьи руки. Напротив, неожиданно для самого себя разоткровенничавшийся Мелиден показал себя человеком с широким кругозором и свободомыслящим.

Будучи наблюдательным и обладая прекрасной памятью, он многое видел и слышал в Висагете, а теперь и перенял от маршалов, инженеров и гонцов при камбенетском дворе, побывал в детстве в совсем уж сказочном для средиземцев Грюте Полуденном. Хорошо разбирался в военном деле и при этом не чуждался письменной словесности.

Особенно барона заинтересовало его сообщение о новой камбенетской палате риторики «Пион» и представлении «Тарлагианок». Барон был хорошо знаком с подобными палатами в приморских городах и о «Тарлагианках» тоже слышал, хотя и не имел данного произведения в своей библиотеке. Поэтому он полностью переключился на Мелидена, тогда как раздосадованному Савону пришлось развлекать разговорами ни о чём кокетливую даму. Та, напротив, охотно уделяла внимание белокурому двадцатилетнему красавчику, хотя бросала искоса мимолётные взгляды и на Мелидена.

Барона, несомненно, утомило затянувшееся отшельничество. С увечьем он свыкся морально и физически, и помирять на радость зятьям-падальщикам в ближайшее время не собирался. Расспрашивая о том, о сём, он и сам охотно рассказывал о своём замке, истории здешних краёв и последней войне с королём Дерифадом. Читал он и свои стихи, а затем начал их напевать звучным мужественным голосом, подыгрывая себе на лютне – пяти парных струнах, натянутых на плоский полый деревянный барабан с длинной ручкой.

Вопреки ожиданиям Мелидена, ни одной эпико-героической песни в репертуаре барона не было. Как выяснилось, барон считал эпос устарелым дурновкусием для сельских мужланов. Его поэзия, воспитанная новейшей модой при приморских дворах, преимущественно описывала любовные радости пастушков на лоне южной природы – «голос, пьянящий как дикие ягоды», «единственное средство от страданий любви – лечь вместе обнажёнными»...

Мелиден сам давно стал любителем старинной рыцарской поэзии – по ней он учил средиземский язык во времена, уже покрытые блаженной дымкой безмятежности – но баронов фальшиво приукрашенный низменный жанр был ему чужд. Позже в разговоре с Ангретом он не удержался от того, чтобы поддразнить хозяина известными древними стишками про неудачную пасторальную любовь:

Как-то раз на той неделе
Брёл я пастбищем без цели,
И глаза мои узрели
Вдруг пастушку, дочь мужлана:
На ногах чулки белели,
Шарф и вязанка на теле,
Плащ и шуба из барана...

Разговор Мелидена с бароном естественным образом переместился в библиотеку последнего – предмет особой гордости, поскольку ни у кого другого в здешних краях не было ничего подобного. У некоторых монастырей, других церковников и у герцога имелись небольшие собрания книг, но религиозного содержания с добавкой практических пособий по медицине и сельскому хозяйству, обычные же рыцари ограничивались сборниками песен и рыцарскими романами в стихах. Собрание же барона – с сотню манускриптов – состояло почти исключительно из уникальных для Озёрного герцогства сочинений. Преобладали изысканная поэзия, философия и военное дело, причем имелись некоторые свежайшие переводы древних авторов, выполненные бурно растущими приморскими палатами риторики.

Особенно увлекли барона, перешедшего после полученного увечья от прославления радостей жизни к усиленному самоуглублению, два недавних перевода древних философов-стоиков, рекомендованных ему оринскими друзьями: «Размышления» древнего императора Норуса Иноакса и «Письма к Васинобронксу» жившего немногим ранее откупщика и императорского учителя Васины Меренса. Почувяв в Мелидене некое духовное родство, он настоятельно посоветовал ему внимательно ознакомиться с этими сочинениями, когда вернётся в Камбенет, либо если решит задержаться у барона в гостях.

Достав заложенные сушёным стебельком «Размышления», барон Моривено зачитал фрагмент, который особо привлек его в последнее время: *«Время человеческой жизни – миг; ее сущность – вечное течение; ощущение – смутно; строение всего тела – бrenно; душа – неустойчива; судьба – загадочна; слава – недостоверна. Одним словом, всё относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе – сновидению и дыму. Жизнь – борьба и странствие по чужбине; помертвая слава – забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме любознательности. Любить мудрость – значит оберегать внутреннего гения от поношения и изъязнения, добиваться того, чтобы он стоял выше наслаждения и страдания, чтобы не было в его действиях ни безрассудства, ни обмана, ни лицемерия, чтобы не касалось его, делает или не делает чего-либо его ближний, чтобы на всё происходящее и данное ему в удел он смотрел, как на протекающее оттуда, откуда изошёл и он сам, а самое главное – чтобы он безропотно ждал смерти, как простого разложения тех элементов, из которых складывается каждое живое существо. Но если для самих элементов нет ничего страшного в их постоянном переходе друг в друга, то где основания бояться кому-либо их общего изменения и разложения? Ведь последнее согласно с природой, а то, что согласно с природой, не может быть дурным».*

Последние фразы расходились с каноническим тарлагинским вероучением, но барон-философ только вырос в глазах Мелидена, уже подготовленного застольными беседами с вольнодумцами-инженерами. В свою очередь, он обещал всяческое содействие, если барон надумает посетить камбенетский «Пион» или пожелает отправить какие-либо послания или поручения своим знакомцам-корреспондентам. «Клянусь, отнять у меня что-либо удастся только вместе с жизнью, а лишить меня жизни было бы сложнее, чем незадачливого Горниха». Конечно же, Мелиден рассказал в подробностях о злоключениях герцогского гонца и розысках одноглазого старшего маршала, хорошо знакомого барону Моривено.

Уже в самом конце этого насыщенного дня растроганный барон решил оказать честь близкому душевно гостю, в характерном для подобного лица и места стиле, и с этой целью приказал явиться шести наиболее пригожим служанкам с возможностью выбрать из них любую, чтобы «постелила на ночь». Нетрудно догадаться, что означало это выражение. Снохи Имнискары среди них не было; очевидно, она имела право сама выбирать себе привязанности и, как догадывался Мелиден, на эту ночь выбрала юного Савона, с которым любезничала, пока Мелиден беседовал с бароном в библиотеке. Позже через дворецкого выяснилось, что барон дал ей полную волю после своего несчастья, чем та и пользовалась напропалую с молодыми поэтами-певцами, заезжавшими в замок за новыми бароновыми произведениями.

Но жизненно опытный Мелиден вовсе не стремился к блуду непременно с наиболее знатной из кандидатур, в этом деле для него был важен не статус. Он выбрал самую высокую и молодую из предложенной прислуги, худую девушку-подростка с пухлой нижней губой, потупленными тёмно-серыми, какого-то стального отлива глазами и острым подбородком. Как кажется, она была наименее рада предложенной чести из всех шести, но её хмурый вид придавал особую пикантность предстоящему удовольствию. Мелиден уже обладал изрядным умением в интимном общении и разбитные бабёнки его не прельщали; взятая с трудами крепость почётнее. Этим он и занялся с неспешной тщательностью, неуклонностью и энергией, заставив девицу

снять платье через голову и распустить перевязанные на затылке рыжеватые волосы, чтобы показаться перед ним, в чём мать родила.

14 мая в четверг выехали опять поздно; на прощание Мелиден обещал обязательно заехать в замок Моривено на обратном пути. Обещание было не лишним: гонцы обычно старались преодолеть расстояние от Озёрного города до Шарим-холма за один день, хотя оно превышало нормальный перегон; в крайнем случае, ночевали где-то посередине. Моривено находился слишком близко к Озёрному городу, чтобы устраивать в нём остановку без особой нужды. Как следствие, барон ощущал недостаток в дальних гостях. Горних, к примеру, в его посёлке и замке не остановился ни разу.

Глава 8. Шарим-холм

Полные впечатлений, промчались они безостановочно до Шарим-холма, и всё-таки не успели до темноты. Пришлось долго ругаться у запертых внешних ворот города, ссылаясь на герцога Аренда, его сестру Лагину и её благородного мужа графа Велета. В порядке особого исключения им отперли и усталые, но гордые они добрались до ближайшего постоянного двора. Ломиться в Старый город не было сил.

Ночью прошёл дождь, на следующий день потеплело и посвежело, природа пошла в буйный рост. Посланцы сочли доброй приметой, что успели до ливня, как и то, что стражи всё-таки пустили их в город. В противном случае пришлось бы искать место в переполненном постоянном дворе у тракта, а здесь им вряд ли удалось бы вытеснить многочисленных, сплочённых и хорошо вооружённых ганзейских обозников. Хотя и буря в позапрошлый день, приведшая их в Моривено, была без сомнения мудро указующим божьим перстом. Иначе они проехали бы мимо этого местечка и замка.

Наконец-то Мелиден с оруженосцем Фейбиком благополучно достигли конечного пункта путешествия, с пользой и удовольствием, и пребывали в самом радужно-приподнятом настроении. У их ганзейских попутчиков оно было с лёгкой кислицей – им предстояло ехать дальше в Ремиту – но всё равно ранним утром все вместе отправились бодро по делам.

Прежде всего, следовало нанести визит в графский замок, потом в шаримскую гильдию арбалетчиков и её главе Генту Серому, одновременно занимавшему должность заместителя городского мастера. Здесь, – как просвещал Мелидена многоопытный ганзейский ездок Ангрет, – все места держит разветвлённое семейство Шаримхауков, то есть Шарим-холмов, названное по этой горе. Вся местная знать их родственники, так или иначе. Арендова сестра Лагине дала графу Велету многочисленное крепкое потомство, у неё весьма важное место в графстве, так что граф выглядит полу-вассалом Аренда Оринского, хотя только чёрт у них разберёт, кто кем вертит на самом деле.

Как бы там ни было, связь между Камбенетом и Шарим-холмом прочная и постоянная. Не случайно голубей везут именно этому графу, не куда-то еще. Местный епископ – дядя графа, и Гент Серый – тоже его какой-то родственник наподобие троюродного брата. Да и все тут друг другу четвероюродные братья-сестры, дяди и племянники или, по меньшей мере, зятя, шурия и свояки.

Графство небольшое, но многолюдное по местным меркам и зажиточное. Есть рудники, каменоломни и лесозаготовки в соседних горах – конечно, близко не стоящие рядом с камбенетскими, но всё-таки. Есть немного вполне сносной пахотной земли, хотя главным образом здесь, как и всюду, пасут коров и овец. Ведут здесь и небольшую, но примечательную торговлю с горными дикарями – ируна. В сам город их не пускают, торгуют где-то на полпути к находящемуся неподалёку единственному проходу через горы на север, покупают у них шкуры, мелких горных лошадей и разные поделки, а иногда и соль.

Причём торговля вполне узаконенная, ведётся немногими уполномоченными графом купцами. Это не то, что преступные сделки подлых тарлагинопродавцов с полуденными разбойниками-бойонами, за которые полагается самая суровая кара. Ируна – не бойоны, а какие-то другие дикари, еще более древние и отсталые. Их сильно зажимают норки с севера, загнав в самые высокие горы, поэтому воинственные охотники ируна ведут себя тихо. Хотя, может быть, дело в том, что проход так узок, что лишь немногие способны его одолеть, и то только летом.

Политическое положение графства Шарим сложное и неопределённое, больших войн давно не было, но по мелочам на границах идут постоянные разборки, когда кто-то вдруг впадает в раздражение и внезапно припоминает древние обиды и претензии. В первую очередь

граф Велет Шаримский состоит в непримиримой наследственной вражде к герцогу Тадзенрогу Ремитскому и его столь же многолюдному и зловредному семейству. Ремитцы считают шаримцев чем-то вроде мятежных подданных на основании неких древних прав, шаримцы, естественно, ничего такого не признают. Оплаченные герцогом и графом хронисты и клирики пытаются вести заочные диспуты на основании старых грамот, но нравы здесь простые и безыскусные, поэтому выяснение отношений баронов и горожан быстро переходит в грубые свары и поножовщину.

Единственной хорошей стороной этих распрей является то, что они не позволяют местным забыть воинское умение и вынуждают не жалеть средств на качественное оружие, а главный его поставщик в Средиземье – славный город Камбенет. Более того, графы Шарима остро нуждаются в герцоге Аренде Оринском как защитнике на крайний случай и благожелательном арбитре в повседневности.

Скрепя сердце, эту роль герцога Аренда приходится признавать и ремитцам. Им тоже нужны камбенетское оружие и приморские товары, проходящие транзитом через Орину, и потому приходится пропускать обозы Камбенетской и заодно Озёрной ганзы для торговли с Мускартой. С медвежцами у Ремиты также старая вражда (с кем они только не враждуют), но в последнее время ремитский герцог достиг соглашения и даже полусоюза со схизматическим великим князем, что очень беспокоит Аренда и ганзу.

Расположен Шарим-холм на отдельно стоящем крутом холме или даже горе милях в трёх-четырёх к северу от тракта. Его венчает небольшой, но внушительный графский замок с прилегающим садиком, где графское семейство разводит птиц, откармливая их конопляным семенем – его известное увлечение. Здешняя и озёрная конопля много хуже медвежской, но выращивается для собственных нужд. Видно с дозорной башни замка очень и очень далеко, почему это место и облюбовали с давних языческих времён.

Ниже замка расположен скученный Старый город, где живёт примерно треть жителей. Половина ширины улиц в нём выполнена в виде ступеней, чтобы удобнее ходить, а для затаскивания тяжестей наверх используют ворота. Стоящие уступами дома задами глубоко врываются в скалу, в которой жители устроили пещерные подвалы для хранения всякой всячины. Окружает Старый город мощная стена длиной более полутора миль, причем у основания скала круто стёсана, что добавляет высоты и неуязвимости. Низ стены построен еще дикарями в незапамятные времена из огромных гладко отёсанных, но не скреплённых каменных блоков, а выше ряды тарлагинских камней помельче на крепком цементе.

Внизу расположено предместье, именуемое Новым городом. Гора под ним становится более пологой, но всё еще выше окружающей местности. Дома с дворами более просторны, но и окружает Новый город всего лишь двухсаженный вал с низкой и узкой каменной оградой высотой тоже пару саженей. Сухой ров спереди имеет три сажени в ширину и полторы в глубину, и снабжён рядами кольев с железными шипами. Здесь расположена основная часть мастерских, торговых и постоянных дворов.

Город велик, в нём насчитывают 12 тысяч человек, что больше всех других местных городов кроме Озёрного и Иннедригана. Часть караванов сворачивают в Шарим-холм, другие проходят по тракту мимо; на развилке у графа имеется сильный замок Атавел, при котором выросло изрядное местечко.

Поспешность, с которой посланцы устремились вверх к замку, оказалась не вполне оправданной. Граф с главными домочадцами в замке отсутствовал; с раннего утра он отправился в пригород разбираться с недавно возникшим спором. Суть была в том, что его дядя-епископ в преддверии полуязыческого праздника Белотенья решил побороть здешних поганствующих и вырубить небольшую рощу священных вязов около нижней стены.

Сегодня с утра состоялся суд над сообществом хранителей этих вязов прямо на месте вырубки к юго-западу, как раз у дороги на Камбенет. После некоторого замешательства камбенетцы решили вернуться к месту разбирательства и там дожидаться графа. Но хотя бы избавились от почтовых голубей, которых Мелиден с Ортоном Фейбиком передали замковой страже в целостности и сохранности вместе с некоторыми письмами.

На месте вырубки, которую епископ втихаря устроил позавчера, собралась большая разгневанная толпа – под тысячу человек по беглой оценке Мелидена. Многие были вооружены и, нисколько не стесняясь графа и его охрану, поливали самыми поносными словами епископа. Епископ, видный мужчина с острыми чертами худого лица, не менее бешено орал что-то в ответ. Подобравшись ближе, Мелиден со спутниками поняли, что епископ требует от графа покарать главарей смутьянов по законам земли, воды, воздуха и огня, помимо прочих обличений. Граф же, одетый в латы под старомодным сиреневым нарамником-сюрко, пребывал в явном смятении. Оно же читалось на лицах солдат, в числе которых просматривалась изрядная часть гильдии арбалетчиков.

Так как молодой Диревено струхнул и не проявлял обычного рвения первым пролезть к начальствующим лицам, пришлось Мелидену взять на себя ведущую роль. Тем более, что заметный табард оринских герцогских цветов придавал ему нейтральный к обеим сторонам конфликта вид. Протиснувшись без церемоний ближе к графу, он попросил рыцаря охраны передать, что прибыли посланники из Камбенета с приглашением на июньское соревнование арбалетчиков, а также что в замок доставлены письма от герцога Аренда, почтовые голуби и некоторые мелкие подарки. Время поджидает, завтра Белотенья, когда же они смогут вручить грамоту приличествующим образом.

– С чего это епископ так взбесился, – обратился Мелиден с полувопросом-полуутверждением к толкующемуся рядом Ангрету, – ведь вяз священное дерево Тарлагина, означает достоинство и скрепляет путников в дороге, а также дарует взаимную верность влюблённым. И почему именно сейчас, словно нарочно, чтобы нам нагадить.

– Почему сейчас, не знаю, а у язычников вяз считается деревом богини земли, из него режут таблички с косым крестом для привлечения удачи и бескорыстной любви, и под его ветвями собираются юды и вилы.

– А это что такое?

– Лесные духи женского пола, юды злые, вилы добрые. Ими становятся не упокоившиеся девы, не успевшие выйти замуж.

– Что за тёмные суеверия олухов царя небесного. Дерево как дерево. Я знаю, из него делают не гниющие трубы для подачи воды от колодцев и водяных колес. А про какие законы земли и воды он вопит этим горластым стервецам? Не встречал такое в судебниках.

– Мне откуда знать местный обычай, – раздражённо пробурчал Ангрет, – я тут только мимо проезжал.

– По закону земли замуровывают в пещере или закапывают живым, где как принято, – ответил вместо Ангрета подошедший рыцарь со спокойным гладко выбритым лицом, – по закону воды топят в реке или болоте, по закону воздуха вешают за шею или, как у озёрных, в клетке из прутьев, по закону огня сжигают или, если извращена не божеская, но человеческая природа, варят в котле. Я Гент Шаримхаук Серый, головной человек гильдии арбалетчиков. Господин граф приносит свои глубочайшие извинения и сожаления посланцам доблестного герцога Аренда, что не принял их сразу с надлежащим почётом. Но вы сами видите, что творится.

– Смотрим, но не видим, поскольку не очень понимаем, что за свара из-за малой роши. Наверное, здесь четверть города собралась? Хотя это не наше дело. Должны ли мы вручить приглашение вам вместо графа?

– Приходите сегодня на ужин к нам в Городской Зал, мы устроим встречу от имени гильдии. Я дам вам человека, он покажет, где что и заодно предупредит городских служащих, чтобы начали готовиться. Граф поручил мне заняться вами, ему самому неудобно перед герцогом. А почему вы так поздно и где Горних?

– По голове ударили Горниха и обобрали между Бастейном и Святой Вальжиной. Хорошо хоть жив остался и даже сумел выбраться из тамошнего леса. Главный маршал Нергайс Каллеве вместе с людьми озёрного герцога сейчас ловит разбойников. Пришлось готовить копии и посылать заново через две недели. Я Мелиден Варсин, телохранитель герцога Аренда и заодно главного маршала, теперь буду иногда заменять Горниха. А это господин Савон Диревено, племянник главы нашего общества арбалетчиков.

– Мелиден – кажется, частое в Мускарте имя? Впрочем, отдохайте и располагайтесь до вечера, еще раз просим прощения за недостойный приём. Надеемся, вечером и в праздник сможем восполнить наши упущения и доказать свою верность и дружбу с прославленным городом Камбенетом.

Что ж, пока суд да дело, Мелиден с сопровождающими походили по городу. Первым делом зашли на городской рынок, где шла бойкая предпраздничная торговля. Особенно хорошо продавались всякие женские мелочи и украшения самого низкого пошиба. К удивлению Мелидена, иногда сопровождавшего Диан по камбенетским рынкам, цены были вздуты до небес, а спрос подобен буре несмотря на полу-деревенскую, казалось бы, захолустность. Позолоченные медные бусы, блёклые иконки святых праведников, отпечатанные картинки с древними полководцами и нравоучительными фразами, кособокие статуэтки, амулеты непонятного предназначения, серьги и заколки с полудрагоценными камушками, шкатулки и кувшинчики с мазями и притираниями расхватывались с открытых прилавков дородными дамами и бойкими молодухами, как горячие пирожки. Женщины здесь были крупные, полногрудые, с большими прямыми носами, но нечистой кожей и запахом из потных подмышек. Хотя бруски серого мыла тоже расходились хорошо, как и куски дешёвых тканей.

Обнаружился даже пронырливый торговец духами и снадобьями откуда-то из дальних приморских краев. Начавший прыщаветь от походной жизни ганзейский Савон присмотрел было для себя матовый флакончик с притираниями для лица, понюхал для пробы, но прямо подпрыгнул от возмущения и начал неистово браниться, узнав цену. Когда отошли в сторону, оказалось, что предлагался ходовой эликсир из каких-то размельчённых водорослей и эфирных масел, стоящий гроши в Венни и Гетальке. Эликсир вполне действующий, по его словам, но цену вздули раз в десять.

Былой гонор Савона ощутимо увял с удалением от Камбенета, и Мелидену даже стало чуть-чуть жаль его. Ранее младший Диревено неоднократно участвовал в дальних поездках в Иннедриган и к морю, но всегда в качестве юного помощника на подхвате у старших в роду и обычно в составе большого обоза. Эта поездка стала его первым самостоятельным поручением в сопровождении всего двух слуг, и теперь ему виделись опасности и подвохи на каждом шагу, с которыми он не знал, как справиться. И оттого начал невольно жаться к ранее демонстративно презираемому Мелидену, чьи осанка и непроницаемое выражение лица были самохолодное бесстрашие.

Так Савон был парень неплохой, только больно глухой к окружающим, спесивый и нахальный. Но отличался крепким здоровьем, любезностью с девицами, хорошо знал цены на рынке и умел торговаться. Также его обучили неплохо владеть оружием и даже держаться в седле – последнее среди купцов встречается нечасто. Стихами и тонкими искусствами его род показательно пренебрегал, несмотря на претензии на аристократичность, потому что им покровительствовали конкуренты Сведены.

Другой неожиданностью для Мелидена стало присутствие на рынке нескольких купцов-соотечественников. Торговали они в основном мехами, выделанными кожами, воском,

мёдом. Мелиден прошёлся вдоль их рядов, делая вид, что присматривается к товару и не показывая, что знает медвежскую речь. Вряд ли его кто-то мог узнать, а если и узнают, невелика беда.

С неприятным внутренним чувством он понял, что не испытывает к ним ничего родственного и даже простой симпатии. Напротив, казались отталкивающими их бородатые лица, засаленные мешковатые одежды, стриженные в скобку и смазанные льняным маслом волосы, но всего более выражение лиц, в которых как в открытой книге читались либо бесчестная хитрость, либо тупоумная гордыня. Он осознал, как сильно его изменили и отдалили от прошлого последние девять месяцев.

То, что прежде не замечалось как привычное и естественное, теперь представлялось грубым и неприглядным. Какие ни были скаредные жлобы ганзейские купцы, но их медвежские собратья виделись существами еще более низменными. По крайней мере, у ганзейцев не было привычки бить соплёй о землю с трубным звуком и вытирать пальцы о полы кафтана.

С тяжестью на душе Мелиден вернулся в свой постоянный двор, где им удалось занять лишь небольшую комнатку, и стал ждать вечера. Ничем больше не хотелось заниматься. В последующем он расспросил местных арбалетчиков о недавно проникших сюда медвежских гостях, и его худшие ожидания подтвердились. Отношение к ним сложилось самое отрицательное, и неспроста. Оказавшись вне надзора своих общин, попов и княжеских чиновников, многие медвежские купцы переставали считать себя связанными узами морали, с лёгкостью воровали, мошенничали, лжесвидетельствовали по отношению к неверным «немцам», предавались разнообразным порокам, которые в их неискусном исполнении принимали особенно грязный и похабный вид.

К тому же почти никто из них не знал средиземского языка, кроме немногих исковерканных фраз, и не хотел знать – они предпочитали пользоваться услугами переводчиков-полукровок из Иннедригана. Некоторые из них сорили деньгами – с чего бы это? Известно, что медвежский великий князь приобрёл большой серебряный рудник на востоке, но с какой стати его новое богатство должно распространяться на купцов? Собеседники Мелидена подозревали, что схизматический правитель готовит нападение на запад и засылает лазутчиков для его подготовки; Мелидену было нечего возразить против этих утверждений.

Глава 9. Белотенья в Шарим-холме и отъезд обратно

Вечером в неказистом Городском Зале, среди белёных каменных стен с высоко расположенными оконцами под сводчатым потолком, скреплённым бревенчатыми балками, был дан званый то ли обед, то ли ужин. Обошлись всего двумя столами: хотя в местной гильдии арбалетчиков значилось 70 мест по хартии, не присутствовало и половины. Впрочем, не все из этих семидесяти мест были заполнены, имелись не выведенные из списков старцы за шестьдесят лет, калеки и несколько женщин – родственниц старших членов. Обновлению, помимо родственно-клановых «исключений», препятствовала величина вступительного взноса и, в особенности, потребная стоимость снаряжения, предполагавшая наличие мощного арбалета с воротом.

Такие производились только в Камбенете; были еще два-три мастера в Иннедригане, но с ними шаримцы не водились. Более того, громоздкий и медленно взводимый арбалет с воротом годился для большой войны, но не для охоты. Малоимущие могли претендовать лишь на место в менее почтенной гильдии лучников – имела здесь и такая. В ней вступительный взнос и требования к снаряжению втрое ниже, что позволяет довольствоваться длинным луком или простым арбалетом, взводимым поясным крюком и стремянем. Здешние ясеневые луки служат меньше приморских тисовых, но по силе не уступают. Вот эта гильдия лучников была заполнена на все 120 мест и еще имела молодёжную подгильдию. На стрельбы по попугаю каждой гильдии даровались 5 вёдер вина от города – на каждого лучника получалось почти вдвое меньше, чем на арбалетчика.

За верхним столом сидели всего десять человек (в Камбенете было так же), включая почётных гостей Мелидена и Савона Диревено. Среди восьми местных присутствовала одна женщина, с таким Мелиден столкнулся впервые. Это была сестра городского мастера (бургомистра), весьма богатая благотворительница. Её муж—рыцарь, державший поместье около города, и сам городской мастер – почётный член гильдии – тоже сидели за столом. Остальные также принадлежали к городской верхушке и ближайшим графским родственникам.

Камбенетские гонцы очевидным образом не соответствовали по богатству и рангу этой местной знати, молодой Савон Диревено совсем оробел и помалкивал вопреки своим привычкам. Мелиден же с некоторых пор совсем утратил внутреннее чинопочитание и нисколько не потерял уверенности в себе. Именно он вручил грамоту-приглашение Генту Серому перед пиром, обменявшись церемонными поклонами, он же и взял на себя первую роль за столом. Чтобы избежать излишне подробных расспросов о собственной персоне, он принялся сам расспрашивать о местных делах, а встречные вопросы старался переводить на материи высокого порядка, демонстрируя свою осведомленность о делах герцога Аренда и его двора. Приём избитый, но безотказный.

Поговорили об утреннем происшествии; вопреки требованиям епископа, граф не подверг смутьянов-полуязычников земляно-водно-воздушно-огненным казням, ограничился изгнанием десятка человек из города на три года, и то без указания места назначения. Некоторые из них и не жили в городе. О самом инциденте сотрапезники говорили скупно и осторожно, не желая ни с кем ссориться, но было очевидно, что епископская мера оказалась крайне непопулярной. Священная роща, где вязы сменяли друг друга, существовала многие века с незапамятных времён.

Не так давно епископ Миден получил послание от архиепископа Гетальки, которое требовало усилить борьбу с еретиками и схизматиками, особенно теми, кто скрывает свои умыслы под личиной заботы об очищении церкви. Вероятно, архиепископ имел в виду свой собственный геморрой в лице Братства Святого Духа, но на местах его поняли в соответствии с местными особенностями. В захолустном Шарим-холме новомодных ересей не наблюдалось, зато

старинные суеверия цвели махровым цветом. Здесь местные низы, как и в Озёрном герцогстве, наполовину состояли из насильно обращённых бойонов. За века их рабство сгладились, но поклонение деревьям, горам и источникам не исчезло. Тарлагин и его верховный бог для них оставались где-то там, за морем и на дальнем небе, а вот вилы с юдами и прочие лешие с домовыми были здесь и могли проявить себя в любой миг.

Бегущие с запада особо непримиримые еретики обычно пробегали Шарим без остановки, считая себя в окончательной безопасности только у схизматиков далеко на востоке, в редких случаях скрывались где-то высоко в горах. Имелась, правда, и группа беглых «заблуждающихся» с востока – они как раз Шарим считали ближайшим местом, где можно осесть без чрезмерной опаски. Но эти сидели в Шариме тише воды и ниже травы, опасаясь выдачи великому князю и православной церкви, проповедями не увлекались и были подчёркнуто лояльны местной власти.

Совсем другое дело купцы с грамотой от великого князя, в последнее время появившиеся в Шарим-холме в заметном количестве. Эти пришельцы вызвали растущее раздражение у графского клана. Но не схизматическими проповедями, а демонстративной особостью и происками, подкрепляемыми серебряными слитками, которые с недавних пор изобиловали у великокняжеских слуг. Шаримская верхушка подозревала, что ремитский герцог мог заключить тайный союз с Ларсом Третьим, и в роковой момент их начнут обращать в схизму огнём и мечом, потому и не тратят сил на предварительное проповедничество. В этом случае вся надежда будет на могучего Герцога Запада, как здесь начали лстиво называть Аренда.

По поводу вероятности военной помощи из Камбенета Мелиден не мог сказать ничего конкретного, но поведал, что Аренд пытается резко увеличить производство пороха в последнее время. Это хороший знак, как и нынешнее приглашение, для вручения которого герцог Аренд счёл нужным послать своего человека в придачу к обычному вестнику от городского общества.

Торговые переговоры в конце прошлого года закончились компромиссом «по старым правдам»: средиземская ганза сохраняла торговые дворы в трёх западных медвежских городах, теперь под прямым надзором великокняжеских слуг, а медвежские особо уполномоченные купцы получили право торговли не только в Иннедригане, но и в Шарим-холме – хотя не в Озёрном городе и Камбенете, чего добивались изначально. Они обязались подчиняться местным законам, но при аресте следовало предварительно известить великого князя. Шаримцы ничего не знали о возможных переменах в Липенске и далее на восток, что выходило за пределы их кругозора.

Основные мысли присутствующих вращались вокруг завтрашнего праздника Белотенья; предполагалось устроить песенно-танцевальные соревнования, а завершить день пиром в Замке для графской семьи и в Городском Зале для лучших горожан, на этот раз с полным присутствием женщин. Конечно, камбенетцев пригласили в Городской Зал тоже, если их не пригласят в Замок. Всем хотелось развеяться и чувствовалась затаённая злость на епископа, испортившего издавна установленное развлечение.

Так прошёл очередной насыщенный день. Можно было уезжать обратно, но представлялось неприличным отказаться от участия в празднике. Белотенья, которую перенесли на субботу 16 мая, прошла в Шарим-холме сходно с другими краями. Единственная разница, что вместо традиционных для Медвежья кулачных боёв здесь устроили состязание гильдии лучников. Арбалетчики выбрали свою десятку лучших еще две недели назад. Точно так же освящали скот перед выгоном на поля, сожгли привязанное к колесу и спущенное с холма соломенное чучело Смерти, потом плясали по кругу вокруг берёзы с установленным наверху диском из перевитых ветвей и цветов, завивая вокруг ствола цветные ленты по ходу солнца. Здесь игрища сопровождалась игрой на волынке. В пении и размеренных танцах приняли участие

и двое слуг Савона Диревено – им, как не дворянам, было не предосудительно развлекаться с простолюдинами.

За эту поездку Мелиден близко сошёлся со старшим из слуг Ангретом, которого всё более тяготил молодой пустоголовый хозяин. Он запомнился, как человек очень опытный и практичный, но при этом не лишённый насмешливости. Здравый смысл, проявляющийся в постоянном употреблении пословиц, поговорок и ходячих мудростей, сочетался в нём с грубейшими суевериями; например, увидев своё отражение в воде, он обязательно сплёвывал три раза, чтобы избежать нечистых чар. Его молодой напарник Бокай был совсем другого склада – сентиментальный мечтатель, постоянно грезивший, как увидит свою загорелую подругу из соседней с Камбенетом деревни. Он оказался хорошим певцом, что и показал перед местными после плясок у майского дерева. Песни были сплошь про любовь, весну и скотину на лугу:

Заиграла весна на свирели —
Это первые ручьи зазвенели.
И под ласковым солнцем из почки
Выбились зелёные листочки.

Я вернулся на широкую поляну,
И повсюду ты, куда ни гляну.
Вольно птицам по весне поётся,
Жаль, любимая ко мне не вернётся...

Вечером Мелидена и Савона всё-таки пригласили на празднование в верхнем графском замке и они смогли познакомиться с многолюдным графским семейством. У знати музыка и танцы были более чинные, чем внизу, с плавными схождениями и расхождениями. Мелиден охотно бы выставил Савона вместо себя, однако пришлось и ему отвечать на вопросы графа Велета с сородичами. Тем хотелось знать из первых рук последние новости из Камбенета. Опять, как и в Городском Зале, Мелиден старался больше говорить о дворе герцога Аренда, городской жизни, религии и политике, чем о себе. Что ему и удалось.

Граф Велет, имевший наследственное прозвище Длинношей, был небольшого роста, но крепкий и подвижный, свежее лицо украшали тонкие усики. Глаза его постоянно бегали, от чего трудно было определить их цвет. Человек беззаветно храбрый, он не страдал и от недостатка честолюбия, хитрости и вероломства, без которых ему не удалось бы сохранять независимость между более сильными соседями.

17-го в воскресенье Мелиден помылся в бочке в городской бане, потратив сбережённые деньги на общество высокой блудницы с длинным узким лицом, прямыми русыми волосами до плеч, задумчивым взглядом и матовой кожей – он любил таких – и стал неспешно готовиться к отъезду. Настроение было самое благодное, что подкреплялось гадостным настроением его ганзейских спутников, которым предстояло в одиночестве ехать дальше на восток. Перед прощанием Мелиден попросил Ангрета разузнать при случае в Иннедригане, помнят ли там еще о нём, и если помнят, нельзя ли очистить убийство двух стражников и ранение третьего выплатой пени. Ему пришлась по вкусу служба гонца и посланника, но полноценной её сделал бы только допуск до самой медвежской границы. То же касается и сопровождения ганзейских караванов – мало кто стал бы нанимать охранника только до Шарим-холма.

Ранним утром 18-го мая, взяв несколько писем для Камбенета, он отправился обратно в сопровождении оруженосца Фейбика и пары шаримских гонцов, которые везли почту и поручения для Озёрного города – четвером безопаснее, чем вдвоём. Один из шаримцев был желч-

ный человеконенавистник, всё время горевавший о жене, умершей от чахотки, второй добряк, любовно вспоминающий скотину на ферме своей большой семьи. Оба читали стихи о деревенской жизни и любви, о добрых вилах и лукавых лесовиках, полные простого очарования и лишённые всякой пошлости, без которой не обходятся испорченные большие города. Они оказались приятными и необременительными спутниками, а к хорошим людям и Мелиден всегда проявлял дружелюбие, какого бы они ни были звания.

В Моривено шаримцы ускорили ход, чтобы успеть попасть в Озёрный город до темноты, а Мелиден с Фейбиком свернули к полюбившемуся барону-философу. Желал Мелиден и повидать понравившуюся служанку Атаулике, превратившуюся у него в Атавлику. Он только казался неразборчивым из-за вынужденно бродячего образа жизни, в действительности же был привязчив и предпочитал в каждом месте обходиться одной, по возможности. Причем все его женщины почему-то походили друг на друга, укладываясь в пару типов, тогда как другие оставляли равнодушным.

Хотя прошло всего четыре дня, барон встретил Мелидена с радостью, как старого знакомого. За это время он продвинулся дальше в изучении философии Норуса Иноакса и в данный момент был погружён в размышления об изменчивости миров. По вычитанной им мысли, мир периодически поглощается единой сущностью и потом выделяется обратно в несколько изменённом виде. Сменяются ли эти миры последовательно или проявляются параллельно, вопрос сложный и пока не разрешённый. Опять он зачитывал Мелидену отрывки из захватившего всё его внимание сочинения и добился от него нового обещания взяться за изучение рекомендованных авторов в Камбенете. Мелиден искренне обещал: услышанное вполне отвечало выношенным им самим пока смутным воззрениям. В заключение барон Моривено попросил отвезти письма к своим знакомцам, одному живущему в окрестностях Старого Города, что в Орине сразу за Озёрным краем, и другому к северу от Камбенета. Он хорошо заплатил за это, хотя Мелиден был готов оказать лично ему услугу бесплатно и обещал всё исполнить в точности.

С разрешения барона Мелиден вызвал к себе Атавлику. Она опять явилась «стелить постель» без видимой радости, но Мелидену хватало собственного желания. Девушке исполнилось шестнадцать лет, то есть только что созрела, жениха у неё ещё не было, ну и что же простаивать зря. Философия не помеха здравому смыслу, но его раскрытие, всё естественное разумно и потому благо. Не оставлять же косолапым мужикам её долговязость, маленькие грудки, плоский живот и узкую, не разношенную щель – не поймут. Им милы коренастые сноровистые девки с выменем как у коровы и остальным таким же, себя же Мелиден уже считал носителем аристократического вкуса.

Перед отъездом Мелиден попросил барона присмотреть, чтобы другие слуги не причиняли Атавлике незаслуженных обид из-за него. Он, конечно же, не считал изменой Диан свои путевые связи. У каждого купца или иного постоянно путешествующего завязывается нечто подобное в регулярно посещаемых местах, это в порядке вещей.

Более того, среди знати и даже богатых горожан Средиземья воспринимается как обыденное и своеобразное двоеженство. Почти все церковные браки в этой среде заключаются по расчёту, в силу династических или имущественных соображений. Внешность, характер и даже возраст невесты совершенно не принимаются во внимание. Поэтому многие достигшие положения в обществе наряду с главной женой заводят вторую незаконную, по собственному вкусу «для души и тела», и живут на две семьи.

Иногда сама старшая жена, постарев, приводит молодую заместительницу, чтобы держать всё под контролем и чтобы траты супруга не выходили за разумные рамки. Такое, впрочем, чаще случается у зажиточных горожан, не среди рыцарства, где хозяин, как правило, подбирает себе молодую подругу сам.

Заметим, речь идёт не о купленных или захваченных наложницах и не о случайных связях, но о более-менее добровольном схождении при не слишком большой сословной разнице. Бастарды от таких «параллельных» браков не считаются изгоями и зачастую воспитываются вместе с законными детьми. Их положение ближе к младшим членам семьи; на полное наследство они не могут рассчитывать, но по обычаю их следует пристроить куда-нибудь.

Птицы весело щебетали в кустах, несмотря на глубоко послеобеденное время, и столь же радостно было на сердце Мелидена, когда он въезжал в Озёрный город через юго-восточные Иннедриганские ворота во вторник 19 мая. Поездка в Шарим-холм заняла шесть дней, а если считать от расставания со старшим маршалом, то все восемь, хотя при большом желании можно было бы уложиться в два дня. Но Мелиден не ощущал никакой тяжести на своей совести. Он ведь был посланник и представитель, не срочный курьер, и вёз обратно кроме двух графских и несколько частных писем – надо было дать людям время на их составление. То есть легко найти, чем отговориться.

Пока же он радовался свободе в широких полях и исполнению благородного поручения, гордому гербовому табарду на плечах и приветливости встречающих. Хорошо быть гонцом в весёлый месяц май. Кто-то щедро платит за доставку письма, более бедный готов отблагодарить обедом и выпивкой, неимущий обещает помолиться за твою удачу в церкви, но сознание своего великодушия не менее достойная плата, чем лишняя серебряная монета. И узнаёшь много нового, что никогда не узнаешь, сидя на месте. Сплошные достоинства, пока разъезды не превратятся в изнуряющую рутину и не обернутся злостью Горниха.

Зная теперь Озёрный город, он сразу направился к герцогским покоям, снова подивившись разнице обычаев в ближних, казалось бы, землях – в Шарим-холме верх занимает графский замок, а в Озёрном городе собор, в Озёрном и Шариме городского мастера назначает правитель, а в Камбенете избираемый горожанами Городской Совет.

По сообщениям герцогских служителей, одноглазый старший маршал с озёрными людьми всё ещё ловил разбойников где-то по западным окраинам. «Тоже устроил себе майскую прогулку по лесам под благовидным предлогом, пока не размножились клещи и комары» – догадался Мелиден с облегчением. Переночевав за герцогский счёт и забрав еще несколько писем для Камбенета и более дальних краёв – их надо будет потом передать почтовому клерку для дальнейшей пересылки – он утром в среду направился дальше на запад.

Глава 10. Старый Город и первая встреча с бароном Химелиншем

Наскоро пообедав в святой Вальжине, Мелиден прибыл к вечеру в Бастейн. Главный маршал был в городе, только что вернувшись из очередного рейда по лесам. Времени он даром не терял: хотя ударивший Горниха злоумышленник бежал при появлении дознавателей, через несколько дней его удалось выследить и повесить. Заодно, после пыток, повесили его мужскую родню и несколько схваченных по лесам бродяг, не сумевших убедительно объяснить, что они за люди. Дома и сараи виновных сожгли. Письма вернуть не удалось: преступник пустил их на растопку костров в лесу. Но удалось вернуть доспехи Горниха, в первую очередь кирасу, найдя того, кто купил их по дешёвке у вора. Никто не решался спорить с одноглазым маршалом, сопровождаемым отрядом человек сорок и сворой розыскных собак.

Удалось найти в лесу и припрятанное тело Эде – спутника и оруженосца Горниха. Но напавшего на него рыцаря со слугами выявить не удалось. Маршал объезжал ближайшие замки, надеясь найти следы, за выдачу виновных была объявлена награда, но пока что бесплодно. Ничего удивительного: нападавших Горних не разглядел по-настоящему, арбалетчики стреляли из зарослей, лица рыцаря и оруженосца скрывали забрала. Захваченных коней и вещи они наверняка давно продали на востоке. По дороге в Ремиту две таможни, озёрная на мосту и шаримская, но кто же там запомнит всех проезжающих мимо лошадей, если назвать их скудные приметы задним числом. Скорее всего, нападавшие сидят в своем замке как мыши в подполе, выдать их могут только случайно.

Мелиден советовал остановиться пока что, подождать, когда рыцарь-разбойник снова осмелеет и выйдет на большую дорогу, пока узнают что-нибудь в Бастейне либо кто-либо соблазнится обещанной наградой, и тогда внезапно явиться во второй раз. Но маршал хотел продолжать розыски еще неделю или две, теперь с южной стороны дороги.

Горних был плох, у него снова сильно болела голова и его поместили в госпиталь. В Средиземье их называют «гостевыми домами» – не путать с постоялыми или гостиницами. Госпиталь – только наполовину больница, а наполовину приют для увечных, почему-либо заслуживших признание.

Не боясь маршальского гнева, Мелиден высказал претензию, что не стоило Горниха таскать с собой по лесам, пока он не оправился, надо было дать ему отлежаться. Понимания он не встретил, но маршал и не стал задерживать Мелидена, имевшего целую сумку писем для передачи в Орине. Поэтому на следующее утро хмурый Мелиден выехал в сопровождении только Ортона Фейбика. Было уже жарко и тягостно под бронёй, хоть он и привык к ней.

Тридцать с лишним миль дорога шла по сплошному лесу, однако на ней наблюдалось оживлённое движение. Со стороны Бастейна виднелись следы стараний одноглазого Нергайса – на ветвях особо заметных дубов болтались свежие бородатые висельники со связанными сзади руками. Без остановки проехав рысью этот однообразный участок, Мелиден прибыл в первый пункт назначения на обратном пути – Старый Город. Именно здесь в прошлом августе его пытались обмануть при обмене медвежских денег в придорожной лавке. Однако в сам город он тогда не заезжал – тот возвышался чуть в стороне на полдень.

Расположен Старый Город на нечастом здесь холме со скрытой вершиной и крутыми склонами, что образовало площадку шагов четыреста-пятьсот в поперечнике. Её окружают старые, но внушительные трёхсаженные стены. Внизу к тракту выходит обширное незащищённое предместье. Значительную часть города занимает крупный, также обнесённый стеной монастырь святого апостола Крома – одного из Четырёх Основоположников наряду с Кинтом, Страмауром и Костаром. Он представляет собой как бы крепость внутри крепости наряду с небольшим,

но высоким графским замком с противоположной восточной стороны города. Сейчас это древнее и почтенное святилище славится перепиской книг с богатыми миниатюрами, которыми оно снабжает все церкви к востоку.

Переписка полного текста Писания из примерно 560 тысяч слов занимает 15 месяцев – огромный труд, объясняющий стоимость в 3 фунта или 300 делевров, мало кому посильную. С недавних пор монахи стали помогать себе ксилографией, однако редкие произведения все еще приходится переписывать вручную. Принимают они и заказы от частных лиц – вероятно, их содержали некоторые из порученных Мелидену писем, которые он и передал в монастырь должным образом.

История Старого Города богата и запутана, что связано с его ролью как бы ворот из Орины к востоку. Когда-то здесь было одно из главных языческих городищ и капищ бойонов, взятое штурмом императором Мидагом Великим более шестисот лет назад. В последующем бойоны много раз яростно пытались отбить это место; их остатки всё еще сидят в лесах к югу, сильно досаждая местным селянам. Долгое время здесь правил аббат монастыря, с ним боролись назначаемые оринским герцогом графы, позже победоносные графы пытались устраивать тут свою таможеню и тогда на них ходили герцоги при помощи ганзы, городские стены то срывались, то возводились заново еще крепче. К счастью, эти потрясения остались в прошлом.

Оставив Фейбика отдыхать в монастыре, Мелиден в одиночку устремился выполнять первое из поручений барона Моривено, которые он считал своим особым долгом. Надо было посетить некоего барона Жалена оде Химелинша примерно в одиннадцати милях на северо-запад.

Его прекрасный замок возвышался на крутом холме в излучине небольшой реки, серые замшелые укрепления выглядели особенно внушительно с пологой стороны. Перед замком как бы предместьем располагался обширный сад с огородом за малой каменной стеной более сажени в высоту. Богатство хозяина было очевидно, ухоженные леса перемежались с еще более ухоженными полями и лугами, помимо стад и мельниц виднелись пчельники в деревянных ящиках. Это тоже было новшеством для Мелидена – у него на родине всё еще довольствовались бортями в лесных дуплах.

Здесь барон оказался худым высоким стариком лет шестидесяти с кустистыми бровями и то строгим, то вкрадчивым взглядом, с седой головой в проплешинах; он щурил глаза, на морщинистом лице выделялась отвисшая нижняя губа. Прочитав письмо барона Моривено, барон пригласил Мелидена отдохнуть с дороги и перекусить чем бог пошлёт. Во время последнего разговора заметно было, что он присматривается к новому посланцу и пытается выяснить, что тот за человек и заслуживает ли доверия.

Всех своих младших родственников богатый барон оде Химелинш разогнал и разослал по разным местам, а сам всецело предан науке. Как стало позже известно Мелидену, в узких учёных кругах Химелинш пользовался не меньшей известностью, чем Моривено, но в другом качестве: если второй был поэт-философ, то первый больше по естествознанию, по растениям, животным, а также минералам. Его сад и огород выделялись обилием редких и ценных пород даже по сравнению с древними монастырскими садами и огородами.

Как кажется, Мелиден произвёл на барона благоприятное впечатление и тот, не без некоторых колебаний, вручил ему с сопроводительными письмами целых пять книг для передачи в Камбенете. Мелиден клятвенно, поцеловав свой меч, обещал доставить их в целости под расписки получателей, и был поощрён некоторой нелишней суммой за эту услугу. Старик предложил переночевать у себя, но Мелиден предпочёл отправиться обратно, чтобы не терять времени даром.

Поэтому на следующий день только бегло перекусили в графском городе Черноречье и к вечеру прибыли в Неметон – родину одного из камбенетских мастеров меча. Но и там

не стали сидеть зря и вечером в субботу 23 мая завершили путешествие в Камбенете. Наконец-то Мелиден смог обнять Диан после двух с половиной недель разлуки. Первый обмен новостями и впечатлениями быстро перешёл в привычную пикировку, доставлявшую сторонам равное удовлетворение:

– И как тебе тамошние девицы, свежие и безыскусные, как майские цветы? Признайся, что имел случай оценить их в каждой деревне до Шарим-холма:

Блажен, кто никаких грехов
Не числит за собою,
А кто грешить всегда готов,
Тот обделён судьбою.
Кто не плёл другим тенёт
И беспечно
И навечно
Счастье в жизни обретёт.

– Во-первых, я не так богат, к сожалению. Во-вторых, сладкоречивость не входит в число моих достоинств, к еще большему сожалению. А в третьих, как гласит древняя малоардская мудрость, «три вещи гонят мужа из дома: дым, протекающая крыша и сварливая жена». Надеюсь, труба у нас не засорилась и крыша не протекла за моё отсутствие? Два раза в пути нас застигала буря с сильнейшим ливнем.

– Бедный путешественник. Между прочим, крыша действительно протекала, пришлось пригласить соседа Ларта для починки. Не беспокойся, шетокс я убрала и потом снова вернула на место. Но пришлось потратиться.

– Не беда, удалось чуть-чуть заработать. Надеюсь, с шетоксом тоже решим в недалёком будущем. Кажется, он взят у какого-то епископа. Но пока мне надо пройтись доставить хотя бы часть писем и книг. Не уверен, что в Замке мне позволят их разносить самому, между тем, некоторые я должен отдать лично под расписку.

Однако с мастером арбалетчиков всё решилось быстро и легко; он вдумчиво выслушал подробный и обстоятельный доклад Мелидена, задавая вопросы при необходимости, посмотрел на кипу писем, даже полистал несколько прилагаемых к ним книг, и разрешил Мелидену посвятить их доставке еще пару дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.